

Леонид Кузнецов

Мвене-Ньяга
и
семеро
пророков

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Леонид Кузнецов

Мвене-**Н**ьяга
И
семеро
пророков

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1971

Ответственный редактор

В. И. КОРОВИКОВ

Кузнецов Л. М.

К89 Мвене-Ньяга и семеро пророков, М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1970.

120 стр. с илл.

Долгая засуха поселила тревогу в круглых хижинах кенийской деревни племени кикуйю. Ее жители ждут спасения у колдунов, которые должны вымолить дождь у бога Мвене-Ньяга... Этот эпизод вводит читателя в будни восточной и северной частей Африканского континента, а также некоторых арабских стран, где удалось побывать автору — корреспонденту «Комсомольской правды». Книга иллюстрирована фотографиями автора.

С чего начать? Ведь соблазнов так много. Скажем, Кампала, эта африканская красавица метиска, сочетающая восточную прелесть с современными архитектурными формами, могла бы занять первое место на конкурсе красоты городов. А это дало бы ей право требовать: «Рассказ надо начать с моих площадей и проспектов, с моих скверов, парков, живописных кварталов...»

Но, конечно, у Кампалы немало соперников. Разве не соблазнительно рассказать о каирском золотом базаре Хан эль-Халили, где с восхода и до заката солнца стоит звон молоточков и из рук чеканщиков появляются кольца и браслеты удивительной красоты?! Однако и у чопорного Найроби, гордящегося своим климатом, своими небоскребами, парками, жирафами и львицами, которые гуляют на воле в пятнадцати километрах от центра, тоже много оснований претендовать на право стартовать первым. Немало их у Киншасы — города сплошь из стекла и бетона, и у зеленого уютного Бразавиля, и у восточного «банкира и менялы» Бейрута...

А почему бы не начать с географического центра Африки? Тогда никто не обидится. А центр ее находится в Республике Чад.

Значит, первое слово — об этой стране, о ее столице. А дальше уже можно отправиться куда угодно, в любую из частей континента.

До моря далеко, до пустыни близко...

Республика Чад (1280 тысяч квадратных километров, около трех миллионов жителей) граничит с Ливией, Нигером, Нигерией, Камеруном, Центральноафриканской Республикой и Суданом. Бывшая французская колония получила независимость в 1960 году.

Форт-Лами — столица республики. Ярко-синее небо. Термометр, кажется, вот-вот лопнет от жары. Масло, капающее с самолета на летное поле, высыхает мгновенно. Аэропорт здесь небольшой, похож на московский в Быково или владивостокский «Озерные ключи». Рядом с залом, куда нас пригласили для проверки и оформления документов, что-то перестраивали. Раздавался стук молотков, висела густая пыль. Паспорта оформлял всего один полицейский. Но работал он очень споро — пятью печатями, и если бы не пассажир, добравшийся откуда-то издалека в Мекку и к тому же оказавшийся неграмотным (полицейскому пришлось самому заполнить его бумаги), то вся церемония закончилась бы за полчаса. Некоторое разнообразие в монотонную работу полицейского внесло предъявление советского паспорта. Это было время (1966 год), когда дипломатические отношения с нашей страной были только-только установлены.

Перед отъездом из Браззавиля я позвонил в наше посольство в Форт-Лами и попросил помочь с визой. Поэтому оформление транзитных документов прошло легко и заняло очень мало времени: пограничник сунул паспорт в ящик, дал мне бумажку размером с трамвайный билет (на ней, правда, была печать) и направил в таможенную. Оставив все вещи без внимания и приоткрыв только футляр пищащей машинки, таможенники сказали: «Досмотр закончен. Добро пожаловать».

Когда я вышел в город, было около полудня. Мне сказали, что сегодня ни о каких официальных визитах и думать не стоит. Здесь все дела надо начинать рано утром, а сейчас уже время обеда, после которого все отдыхают. Итак, мне оставалось просто побродить по городу.

Первое впечатление — безлюдные улицы. Вот уж на следующей я обязательно кого-нибудь встречу. Но ни на второй, ни на третьей никого нет. Только на центральном проспекте увидел нескольких человек, медленно идущих по теневой стороне.

На магазинах — замки и жалюзи. Офисы и даже почта закрыты. В кабине автомашины скорой помощи сладко спит водитель. И только нет-нет да раздается шуршание (в тишине оно кажется громким) — это ящерицы охотятся за осовевшими мухами. На улицах сонная, раскаленная тишина. Около домов растянулись утомленные зноем псы (вечером их настроение меняется, и тогда с ними лучше не иметь дела). Лишь к пяти-шести часам вечера, когда спадет жара, город оживет.

Девяносто пять тысяч человек живут в Форт-Лами — городе, который можно обойти за час. Этому городу природа подарила мало зелени, а жизнь — мало радости. Только недавно он начал оживать, только недавно у людей появилась надежда, что нищета, болезни, страдания не вечны.

...Утром начались визиты. Первый — к министру труда, молодежи и спорта. Я сказал ему, что советские читатели интересуются этой страной, ее молодежью. Министр с удовольствием согласился побеседовать и в первую очередь отметил, что правительство уделяет большое внимание молодому поколению, от которого зависит будущее страны. Здесь создана организация «Движение чадской молодежи» (ДЧМ). Какие задачи она ставит в своей работе? Прежде чем ответить на этот вопрос, министр сказал, что в стране не хватает учителей, школ и даже среди членов ДЧМ — шестьдесят процентов полностью неграмотных и тридцать процентов малограмотных. Страна испытывает настоящий голод в специалистах. В первые годы ДЧМ главный упор делала на воспитание патриотизма, освобождение от морального и идеологического влияния Запада. Сейчас организация считает основными задачами ликвидацию не-

грамотности и воспитание любви к труду. Ведь без конкретных знаний, без подготовки квалифицированных кадров, без воспитания нового человека, проникнутого глубоким чувством патриотизма, страна не добьется успеха на пути к прогрессу.

Перед страной много и других проблем.

— Два года назад,— рассказывали мне в Комиссариате по вопросам общего планирования,— мы занялись вопросами планирования. Составили список предприятий, которые нам необходимы, а также проект строительства дорог. В стране не было ни одной железной дороги, не было ни одного шоссе с более или менее хорошим покрытием, и, когда начинался период дождей, всякие перевозки прекращались на три-четыре месяца. Было создано несколько комиссий, в том числе комиссия по социальному обеспечению, образованию, комиссия, изучающая частный сектор.

Планы государства предусматривают рост жизненного уровня населения вдвое в течение тридцати лет. Срок, конечно, немалый. Но, видимо, есть основания опасаться, что более быстрыми темпами экономику не поднимешь. Республика Чад — аграрная страна. Восемьдесят процентов ее экспорта составляет хлопок; кроме того, вывозят рыбу, мясо. На внутренний рынок идут арахис, кукуруза, маниок, батат. Кое-какие перерабатывающие предприятия, скотобойни и холодильные установки ненамного увеличивают экономический потенциал страны. Конечно, и он мог бы быть стартовой площадкой для развития промышленности. Но все дело в том, что этим богатством владеет иностранный капитал. Средства, предоставляемые зарубежными банками, часто идут не на строительство заводов или фабрик, а на закупку готовых товаров.

— Мы не можем сразу порвать со старым,— в голосе тех, кто это говорил, чувствовалась горечь.— Хотя мечтаем найти свою дорогу.

Как и в других африканских странах, Запад ведет здесь интенсивную обработку умов, особенно молодежи. На одной из улиц Форт-Лами расположен Американский информационный центр. Картина совершенно обычная для всех таких центров: книги по науке и технике перемешаны с антикоммунистической литературой. Когда я вошел в читальный зал, человек десять листали

журналы и брошюры. Вечером центр бесплатно показывает фильм о роли президента в жизни Соединенных Штатов.

Насколько эта пропаганда успешна, судить пока трудно. Однако, как мне кажется, воспитание прогрессивными организациями духа патриотизма, гражданственности у юношей и девушек стало тем добрым началом, которое если и не пришло, то обязательно придет в столкновение с неоколониалистской пропагандой.

Я долго беседовал с директором радио республики господином Усманом Туадэ и узнал, что двадцать процентов программы вещания делается во Франции. Делается квалифицированно и привлекательно. Восемьдесят процентов времени работы радио занято местными новостями, музыкой, объявлениями и материалами, рассказывающими о событиях в мире.

— В студии работают тридцать человек, — рассказывал директор. — Но только двое из них — подготовленные специалисты. Наше радио еще не дошло до глубинки, до крестьян. Это объясняется тем, что не везде есть радиоприемники и репродукторы, многие не понимают передач, так как мы ведем передачи всего на двух языках, а в республике, как вы знаете, много национальных групп.

Кроме радио средствами пропаганды, помогающими формированию сознания молодых, являются бюллетени «Голос молодежи», «Чад в пути», «Инфочад», которые печатаются на гектографе. Их тиражи невелики, но влияние заметно. Оно будет расти по мере ликвидации неграмотности.

Конечно, нужно было время, чтобы разобраться во всех интересовавших меня вопросах. Мне говорили: чтобы понять эту страну, следует иметь в виду, что она далека от моря и близка к пустыне. Это я запомнил. Но география объясняет не все.

Я видел, как торговали рисом. На медную чашу весов, такую же истертую, как сотню лет ходившая из рук в руки монета, продавец насыпает рис. Ставит гирию. Потом снова насыпает и снова ставит гирию, уже другую, двухкилограммовую, хотя он мог бы сразу взвесить три килограмма. В связи с этим я вспомнил рассказик, короткий и простой. Его напечатал «Голос молодежи». Родители приводят в школу ребенка. Их спра-

шивают, сколько было дождей и урожаев с тех пор, как родился сын. Урожай запоминается, потому что они бывают либо хорошими (и тогда в доме радость), либо плохими (тогда беда). Учитель высчитал, что первокласснику десять лет. Может быть, это и неточно: ведь родители могли забыть какой-нибудь урожай, а считать они, так же как тот торговец рисом, не умели.

Конечно, почти поголовную неграмотность нельзя объяснить тем, что страна удалена от моря. Тут уж виновата не география, а люди, точнее, колонизаторы. И сейчас важно не то, как они действовали. Сейчас в республике ищут методы и средства, чтобы сбросить темный груз прошлого. Для этого изучают опыт других стран. Все чаще и чаще обращаются к истории СССР.

Почти все занимающие высокие посты лица, с которыми я беседовал, выражали заинтересованность в развитии отношений с Советским Союзом. Одни говорили о необходимости расширения торговых и экономических связей, другие высказывали пожелание чаще обмениваться молодежными делегациями. В Республике Чад уже были советские артисты, и концерты их прошли с большим успехом. В СССР на учебу уехали студенты. В Форт-Лами с нетерпением ждали их возвращения, чтобы расспросить о Москве. Книги о Советском Союзе (большинство их написано французскими авторами) популярны в республике.

...Наступил последний день моего пребывания в стране. Как обычно, после обеда я пошел в кафе. За кофеваркой — пожилая француженка. Клиенты дремлют, собаки шатаются от духоты. Поговорив о погоде, о жизни в африканских условиях, мы вспомнили сыновей. Мой — в Москве, ее — в Париже. Она достает пачку конвертов, перебирает их, вынимает из середины один. Расправив фартук, отодвинув стаканы, читает громко, с расстановкой: «Дорогая мама, ты не представляешь, как меня тянет в Чад... Ты знаешь, мама, я тоскую по Чаду. Я долго думал, откуда эта тоска. Потом сообразил. Ты помнишь на нашей улице кафе мосье Жака? Он уже совсем стар, но по-прежнему торгует алжирским вином. Торговал до твоего рождения, до моего. И сейчас. Вчера я взял стаканчик рафаэля. Что-то скверно было на душе. И подумал: не изменилась улица, не изменились люди. За целый год на нашей улице никто не женился,

не умер, не уехал, не родился. Тоска. В Чаде хоть и трудно, зато интересно, потому что там новое, что-то меняется каждый день». Сначала вроде бы трудно понять молодого француза. Край необжитый, дорог нет. Болезни, бедность, страдания, экономическая отсталость. И все же... Женщина свернула письмо, уложила в конверт. Подперев голову рукой, пригорюнилась. Наверное, думала о сыне.

За стеклянной дверью жара. Через час-два с дверей магазинов и магазинчиков снимут замки. Я пойду на станцию обслуживания автомобилей. К Пьеру. Отец его — мусульманин, но женился на христианке, которая воспитывалась во французской миссионерской школе. Это отразилось на судьбе Пьера. Африканцы немного сторонились его, а европейцы не признавали метиса. Ему было трудно найти работу. Он до сих пор не знает, почему его выгнали с французской военно-воздушной базы. Может быть, по той же причине. Теперь он автомеханик. Пьер парень развитой, близко к сердцу принимает и беды и радости страны. Поэтому-то и вступил в клуб им. Сент-Экзюпери. Члены клуба ездят по стране с миссией по ликвидации неграмотности. Они добрались даже до озера Чад. Это было трудно, невероятно трудно! И все же сейчас три человека, которые живут в стойбищах у озера, пишут письма — они узнали грамоту.

Второй раз в течение дня мне читают письмо. На этот раз от пастухов: «Вчера к нам пришел белый. Еле-еле переступает. Геолог. Как попал и как добрался сюда — не знаю... Говорит, что из Камеруна. Первая его просьба — сообщить в Киншасу, что жив».

Пьер аккуратно сложил письмо. Интересно, что думает о своей стране простой человек. И меня поразили его рассудительность и зрелость:

— Что делается в Чаде? Мы начали преобразования. Проходят они с трудностями, с болью. Мы — страна отсталая в экономическом отношении, неграмотная. Нелегко разрубить узлы страданий.

Так рассуждают большинство чадцев.

Я рассказал Пьеру о письме сына барменши. Пьер улыбнулся: «Я понимаю его. Настроение то же. Ведь как бы нам плохо ни было, мы все-таки растем... У нас есть завтра, в котором мы многое задумали сделать. А жить без завтра трудно».

Катангский крест

— Каждый несет свой крест,— сказал мужчина и подлил в стакан красного бужоле. Ему было лет пятьдесят. Волосы ежиком, впалые щеки, которые трудно брить из-за глубоких морщин. Тонкая цепочка на шею уходила под рубашку. Каждый вечер в гестхаузе (пансионе) «Отрако» он заказывал цыпленка либо блюдо из ящериц. Иногда просил хозяйку, дородную женщину-португалку в тонком, облегающем костюме, «поставить» музыку. Всегда одну и ту же — «Огненный поцелуй».

— Каждый несет свой крест,— повторил собеседник и, не дожидаясь вопросов, пояснил, что судьба замотала его так, что он, пожалуй, не сможет перечислить все водовороты, в которые попадал. Последний — служба наемником в Катанге, откуда он еле-еле выбрался. После этого решил — баста... Тем более что «подкопил денегат», приобрел дом в Киншасе, серый красивый особнячок с пальмами, завел двух немецких овчарок. О том, какой же крест он нес, можно было только догадываться...

Киншаса заняла одно из красивейших мест на берегу реки Конго. Раньше город назывался Леопольдвиль в честь короля Бельгии. На окраине города — статуя его основателя — Стенли. История Киншасы любопытна, и мне понятен восторг профессора (он привел сюда группу студентов университета Лованиум), который, громко рассказывая об истории Конго, просит каждого обязательно воспользоваться биноклем: «Да, да... вы должны на это посмотреть... На эту шахматную доску...» Он подносит к очкам бинокль и оглядывает раскинувшийся перед ним, действительно похожий на «шахматную доску» город. «Королями» и «королевами» выглядят здания банков и горнодобывающих компаний. Эти стекло-

бетонные прямолинейные «бруски» окружены пальмами и скверами, обрамлены магистралями. Профессор восхищен. Повернувшись к каменной фигуре Стенли, он говорит, видимо, давно заготовленную фразу. Даже не говорит, а декламирует: «Сюда, в сердце Черной Африки, цивилизацию принесли не огнем и мечом, а шелком, сатином, заколками, украшениями, которые обменивали на бивни слона».

Профессор и зачарованные студенты, видимо, не задумываются над тем, что процент подлости одинаков у того, кто мечом покоряет чужую землю, и у того, кто обманом отбирает ее. За стеклянные бусы, к примеру. Процент одинаков! У того и у другого. Тот и другой были в Конго.

...Мы спускаемся в город. Несмотря на свои громадины, он тихий, молчаливый, сдержанный. Может быть, оттого, что слишком многое видел и пережил.

За землю, где он стоит, спорили Бельгия и Франция. «Наша!» — утверждал Париж и подсовывал Брюсселю копию договора своего эмиссара Браззы с королем Макоко, отдавшего под французский флаг территорию левого и правого берега Конго, где жили его племена. Но бельгийский монарх упирался. Разведка добыла документ, который утверждал, что «Макоко не может претендовать на левобережные земли, что там он просто-напросто номинальный вождь, хотя и имеет какое-то духовное влияние. Но ведь больше ничего. Так что, позвольте...» Французы «позволили», и бельгийские конкуренты, не скрывая радости, опустили в свой карман «ключ» к Конго, получивший название Леопольдвиль.

... Мы идем по окраинам города. Вот огромный базар, здесь можно увидеть многое: и засушенные рыбы с выскочившими глазами, и вяленое мясо обезьян, и детские кровати, и куски мыла. Между рядами ползет калек. Где-то рядом жарят мясо. Молодой парень продает огромную черепаху и приговаривает: «Мясо в суп, панцирь на гребешки. Мясо в суп, панцирь...» Смрад. Он кончается, когда нога ступает на асфальт улицы, ведущей к центру. Здесь совсем другой климат. Благодать и умиротворенность. Но вот взгляд падает на выщербленные стены — это следы перестрелок. Кое-где разбиты витрины. Все это память о днях, когда от этого самого базара, с городских окраин, с фабрик и верфи

к европейскому центру двигались конголезцы. Их вела вековая ненависть к господам из Брюсселя. Часто она так туманила мозг, что люди подчиняли свои действия чувствам, а не разуму. И тогда летели камни... И тогда западные репортеры, повинаясь приказу свыше, подводили свои корреспонденции под рубрику «Разгул черного расизма». Конечно, в Африке есть люди, которые заражены предрассудками. Это реакция на европейский расизм. И все-таки их меньшинство.

Я встретил в Киншасе знакомого, который действительно побывал «под камнями». В один из бурных дней он ехал по центральной улице. Вдруг толпа перегородила дорогу, окружила автомашину. Камень полетел в боковое стекло и разбил его вдребезги. Кто-то уже бежал с факелом. Мой знакомый открыл дверцу. Вышел. Назвал свою страну, добавив: «Это социалистическая страна». Люди стали успокаиваться. Кто-то что-то говорил друг другу. Прошло минут десять. Факел догорел. От толпы отделился пожилой мужчина. Он сказал: «Вы, конечно, нас извините, вот вам двое сопровождающих. Теперь вас никто не тронет».

Такой бывает Киншаса. Но чаще доброй, чем злой.

...На улице 30-го июня есть магазин кустарных изделий. Там продаются бусы и браслеты из слоновой кости, бивни, тамтамы, картины, отчеканенные на меди. Среди всего этого пестрого и привлекательного товара есть черные кресты. Концы их чуть расширены, медь запеклась и кое-где вздулась небольшими бугорками. Это катангский крест. Давным-давно в Катанге существовало феодальное царство, и уже тогда люди плавил медь. Из нее и делали кресты, которые служили монетой.

Однажды я зашел в магазин со студентом университета Лованиум и услышал от него фразу: «Наша страна вот уже десятилетия несет свой крест... катангский».

Небольшая деревушка, лежавшая неподалеку от того места, где сейчас громоздится красивый современный город, дала название всей провинции — Катанга. Это был дикий, далекий и недоступный край.

Первые сведения о богатствах Катанги пришли в конце XVIII века. В 1798 году Франсиско де Ласерда, губернатор Мозамбика, услышал рассказ купца, кото-

рый посетил Газембе, вождя одного из катангских племен. «У него есть медные и золотые шахты,— докладывал купец.— И он воюет с другим вождем, на чьей земле много желтой меди».

Несколько лет спустя еще два португальца попали в Катангу и увидели «на вершине гор камни, которые были зеленые от проступавшей меди... Из нее потом делали бруски».

В 1859 году известный исследователь Ливингстон сообщил, что около озера Ньяса он встретил караван из Катанги, который вез медь, слоновую кость и малахит. Жители Катанги были не только шахтерами, они делали прекрасные золотые браслеты, украшения. Слиток золота был послан в подарок султану Занзибара.

К новому Эльдorado потянулись искатели сокровищ. Одним из них был и Сесиль Родс, мультимиллионер, премьер-министр колонии Кейптаун, основатель гигантской компании «Де Беерс». Родса не смущало то обстоятельство, что Бельгия уже «оформила» права на Катангу. Он говорил: «Кто первый придет, того первого и обслужат». Но первыми «обслужили» все-таки бельгийцев. Их привел сюда Стенли.

Генри Мортон Стенли родился в уэльском селе. Подростком его отправили в рабочий дом. Он убежал оттуда и нанялся на корабль, уходивший в Америку. Как пишут биографы, Стенли очутился на коне тогда, когда открыл в себе талант журналиста и начал писать для «Дейли Телеграф» и «Нью-Йорк Геральд». Владельцы газет обладали широким кругозором. Они согласились субсидировать африканскую экспедицию Стенли. Он пересек континент от Индийского океана до реки Конго. Девятьсот девяносто девять дней пробирался журналист сквозь джунгли, переплывал реки, кишасшие крокодилами, огибал горы. Из трехсот занзибарцев, которые сопровождали его, выжило не больше сотни. Собрал множество самых разнообразных данных, Стенли пришел к выводу, что Конго может стать прекрасной добычей для любой европейской короны. Английская, правда, от его услуг отказалась, но работодатель все-таки нашелся быстро: им оказался бельгийский король.

Стенли начал «осваивать» земли. Прежде всего надо было соблюсти формальности: территориальные захваты чаще всего закреплялись «договорами дружбы» с

вождями племен. В 1885 году в присутствии вождей, иностранных консулов, миссионеров и купцов полковник де Вонтон провозгласил создание «Свободного государства Конго» под верховной властью его величества Леопольда II, короля Бельгии.

Оставалась непокоренной только Катанга. Вождь Мсири не хотел, чтобы на его земле водрузили голубой флаг с золотой звездой — флаг «Свободного государства Конго». Не поддался он на посулы и подарки. И только после того, как лейтенант Бодсон, офицер бельгийского отряда, во время переговоров застрелил Мсири, Катанга вошла в состав «Свободного государства». Это было в 1891 году.

Через несколько месяцев в Катанге появился молодой геолог Корне. После тридцати пяти дней работы он уже докладывал, что наткнулся на несметные богатства. Медь лежала почти на поверхности. Потом обнаружили залежи олова, благородных металлов, алмазы и, наконец, урановую руду. Брюссель, его деловые круги охватила лихорадка наживы. Мелкий европейский хищник радовался: настал и его день.

В 1906 году на катангское «золотое дно» опустились три компании: «Компани дю Шмен-де-фер дю Ба-Конго», «Сосьете энтернасьонал форестьер е миньер дю Конго», «Юнион миньер дю О'Катанга». Хотя в них и главенствовал бельгийский капитал, американцы и англичане тоже сумели наложить руку на эти «медные и золотые богатства».

Каждой фирме дали по концессии. «Юнион миньер» достался сравнительно небольшой кусок, но он оказался таким жирным, что по прибылям компания скоро вырвалась вперед.

30 июня 1911 года в Катанге была выплавлена и отправлена в Антверпен первая партия меди — 413 тонн (в 1966 году бельгийская «Юнион миньер» выбросила на международный рынок 300 тысяч тонн). По случаю первой плавки дали шикарный банкет, и вице-президент «Юнион миньер» Вильямс, глядя на горячую струю металла, заявил: «Это начало стремительного процесса, который революционизирует Африку».

После господина Вильямса его пост занял американец Р. Хорнер. С тех пор невидимые миру связи компании с США развивались и крепились, особенно в годы вто-

рой мировой войны. Директор «Юнион миньер» М. Сенжер, учуяв, какую прибыль может принести урановая руда (гитлеровские ученые уже вели работы над расщепляющимися материалами), тайно переправил огромное количество ее в Нью-Йорк, где с помощью не менее догадливых местных бизнесменов уран был спрятан в секретных складах.

В 1942 году на нью-йоркскую квартиру Сенжера пожаловал американский полковник из организаций «Проект Манхэттен».

— Можете ли вы,— обратился он к бельгийцу,— помочь Соединенным Штатам доставить из Конго уран? Это нужно для очень срочного дела.

— Когда вам доставить?

— Сейчас же... Но мы понимаем, что невозможно...

— Отчего невозможно? Вы можете получить тысячу тонн немедленно. Они здесь, в Нью-Йорке.

И первые атомные бомбы, которые американские летчики сбросили на Японию, были сделаны из катангского урана. Прозорливого господина Сенжера отметили высшим американским орденом «За заслуги».

Катанга чуть ли не с первых дней колонизации Конго стала тем ящиком Пандоры, из которого на народ вышло столько зла и горя, что его не измерить ни католическими, ни какими-либо иными крестами. Владельцы шахт и рудников усвоили совет Стенли, как «воспитывать» африканцев: «Нужно пользоваться хлыстом. Но можно пускать в ход и наручники. Тоже помогает».

Использовали и хлыст и кандалы. Во время последней поездки в Киншасу я познакомился с чешской журналисткой. Ей удалось побывать на катангских шахтах. «Мы шли чуть ли не по горло в воде,— рассказывала она.— Я еле выдержала. А ведь в таких условиях люди работали годами». На страданиях катангцев строила Бельгия свое благополучие. В книге Д. Мартелли «От Леопольда до Лумумбы» говорится, что Брюссель расширялся и хорошел за счет катангской меди. Богатели бельгийские купцы и промышленники. В Леопольдвиле они воздвигали небоскребы и виллы, которые оттеснили конголезцев на окраины, в скученные и грязные поселки. Катанга заполонила большие города ворами, авантюристами и проститутками...

В день провозглашения независимости Конго в

1960 году колонизаторы дали клятву во что бы то ни стало удержат Катангу. Они уже давно насаждали там сепаратистские идеи. 11 июля 1960 года лидер пробельгийской партии «Конакат» Моиз Чомбе, следуя совету «Юнион миньер», объявил Катангу независимым государством. Мятеж брюссельского ставленника был поддержан частями жандармерии и проживавшими в Катанге европейцами. Но главным образом наемниками. Эти не щадили никого, чинили суд и расправу над рабочим классом. Тогда, в 1960 году, было пролито немало крови. Приведу только одно свидетельство. Оно принадлежит Хэмфри Беркли, члену английского парламента от консерваторов. Он писал: «Примерно десять тысяч африканцев были умерщвлены Чомбе и наемниками. Я провёл день, летая над районами Катанги. Я видел деревню за деревней, сровненные с землей. Совсем не было видно людей, хотя именно эти районы были когда-то густонаселенными. Насилие и зверства были совершены Чомбе и его белыми наемниками».

И все же обогранные кровью руки не сумели оторвать Катангу. После убийства Лумумбы, после многих зигзагов и отступлений страна начала выздоравливать и набирать силу. Сменился режим. Вместо Чомбе во главе правительства стал Мобуту. В конце 1966 года правительство сделало очень смелый шаг — решило поставить «Юнион миньер» под контроль государства.

Борьба за природные богатства Конго, за Катангу продолжается. Сегодня в нее все активнее включаются американцы. Они потихоньку вытесняют бельгийцев, часто играя на ненависти к старым хозяевам, прячась под маской искренних и добрых друзей Конго. У меня сложилось впечатление, что одним из главных направлений конголезской политики США является стремление прежде всего затормозить развитие страны по антиимпериалистическому пути. Кстати, осенью 1967 года американские журналисты, освещавшие работу Ассамблеи Организации африканского единства, высказывали беспокойство по поводу того, что эта встреча произошла именно в Киншасе: они усмотрели в этом дурной для себя признак.

Был я и в американской школе, расположенной в уютном, зеленом уголке столицы. Сад, утопающий в буйной зелени, пение птиц, сама школа — это несколько

вилл с классами. Я беседовал с директором. Раньше он работал в арабских странах, больше всего в Саудовской Аравии. Директор сказал, что в школе четыреста учеников, из них семьдесят процентов — американцы. Уже по одной этой цифре можно представить, как много сейчас в Конго людей из Штатов. И если бельгийцы уезжают, запугиваемые возможными антибелыми бунтами, то американцы остаются. «Нам не страшно,— говорила мне старушка, гулявшая с ребятами,— здесь есть наши военные, даже, говорят, морские пехотинцы». Господин директор не скрывал своих мыслей и сообщил, что их задача не только научить детей математике и письму. «Естественно, что мы,— говорил американец,— должны формировать и взгляды детей. Ведь рано или поздно они столкнутся с вопросами: что такое коммунизм, что такое свободный мир?»

Конечно, США влияют на общественное мнение Конго не только через школу. Не менее важным инструментом в их руках является, скажем, разведка. Помню статью в «Нью-Йорк Таймс», которая рассказывала о деятельности Центрального разведывательного управления. В 1960 году, в то время, когда готовилось антилумбовское наступление, скромный оффис ЦРУ в Киншасе мгновенно разросся до штатов посольства и превратился в миниатюрное военное министерство. Автор статьи сообщал также, что в Африке ЦРУ, используя разведки натовских стран, собирает сведения о коммунистах, прогрессивных деятелях, заводит карточки на людей, уезжающих в Прагу, Москву, Варшаву... Пока что нет сообщений, да и вряд ли они поступят, о том, что ЦРУ отозвало своих агентов из Конго. Американцы зорко следят за Киншасой, и, конечно же, их стремлению утвердиться в Катанге нет границ. Парни из «корпуса мира», разгуливающие по конголезским городам, может быть, и не знают, зачем их прислали сюда. Но уж те, кто получил в свое время большую партию урана, ясно отдают себе в этом отчет.

Например, мистер Наттер. Это крупный промышленник. Он тонко разбирается в большой и малой политике, особую слабость питает к филантропическим фондам Форда, Карнеги и другим. Оказывает им всяческое содействие. Господин Наттер не просто «кусочек золота», это своего рода теоретик и философ. Он мне говорил,

что даже готовился выступить в Киншасе с лекцией «Партнерство больших стран с малыми: выгоды и слабые стороны». Не знаю, прочел он эту лекцию или нет. Во всяком случае, вложить дополнительный капитал для расширения компании по производству табака успел — количество «леопардов» резко увеличилось. Хозяева высоко ценят своего «леопарда». Он в два раза дороже местных сигарет. Чтобы «леопарду» жилось вольготнее в саванне и джунглях, чтобы его курили, мистер Наттер убежден: необходимо в Конго вкладывать американский капитал всюду, не только в табачное дело. При этом бизнесмен выдвигает условием успеха «ликвидацию социальных различий». Один журналист спросил его:

— Ликвидировать социальные различия может лишь социализм в его марксистском понимании. Это вы имели в виду?

— Нет! — обрезал Наттер и начал объяснять почему.

Я подивился ловкому ходу его размышлений. Он утверждал вещи, которые были заведомо неприемлемы для конголезцев, но делал он это так, что диву даешься. Кто же ходил в наставниках у мистера Наттера? Я думаю, что его учителем был пожилой сухопарый священник лет шестидесяти. Он носил рясу и ездил по Киншасе на велосипеде. Священник, представитель «Ордена белых отцов», обладал большими знаниями. Ими и опытом он охотно делился с бизнесменом, который к тому же был его земляком: оба из штата Луизиана.

Миссионеры появились в Конго почти одновременно с солдатами, геологами и купцами. Они быстро вошли в доверие к окружающим. Я знал, что «белый отец» вечером приходит в кафе, которое находится рядом с магазином сувениров. Однажды мы разговорились. Я спросил его, что он думает о будущем Конго. Тогда-то я и понял, что отец, которого я много раз видел на улице, — человек незаурядный. Лет семь он изучал родо-племенные отношения, долго жил среди племени мангбету... Побывал в соседних странах. Наконец пришел к выводу (правда, не он один), что для африканцев восстановление родо-племенных отношений, возврат к ним станет благом.

— Но ведь как раз наоборот. Это был бы шаг назад, — высказал я сомнение, — ведь родо-племенные отношения основываются на примитивных орудиях труда,

они консервируют отсталость, преграждают путь к прогрессу.

— Вы правы,— улыбнулся «отец белого ордена».— Господин Наттер тоже считает, что эта философия в таком виде не годится. Она не увлечет людей, особенно интеллигенцию. Надо найти что-то среднее. Если тому же племени дать тракторы, оно сможет перепрыгнуть эпоху раннего капитализма с его эксплуатацией и построить, если хотите, социализм. Важно сейчас выяснить, как можно сочетать «племенной социализм» с концепциями «свободного предпринимательства», «равных возможностей».

Вот, оказывается, как хотел мистер Наттер ликвидировать социальные различия! Бизнесмен из США проповедует известную «теорию станков», которая якобы должна преобразовать общество. Достаточно, мол, построить автоматические линии и посадить крестьянина на трактор. А общественные отношения менять не обязательно. И неважно, откуда идут станки и чем обуславливаются их поставки. Типичный пример демагогии неокolonизатора.

Эти рассуждения — для публики. А на деле американцы предпринимают совершенно конкретные шаги для своего утверждения в Конго. Сейчас им нужно окончательно вышибить бельгийцев. Ради этого, по их мнению, стоило не только создать свою базу ВВС в Катанге (об этом проекте писали газеты), но и позволить себе порассуждать об «особом», «африканском» пути.

А Конго по-прежнему несет свой «катангский» крест. Оно сбросит его лишь тогда, когда иностранные монополии вынуждены будут окончательно отступить от Катанги.

...На порогах река Конго бурлит: скорость воды бешеная. Бревно крутится, как соломинка, разбрасывая щепы. За порогами — заводь, окруженная скалами. У берегов приютились пироги. На черном валуне сидит человек, опустив голову на руки. Он о чем-то думает. Человек похож на того, кого я встречал в гестхаузе «Отрако». Вечером я не спросил мужчину, был ли он у порогов. Он опять заказал «Огненный поцелуй». На его шее по-прежнему блеснул миниатюрный катангский крест. Говорят, что такие медальоны выдавали наемникам за каждого сотого убитого конголезца. Неважно

кого — мужчину, старика или ребенка. Ясно, что этот человек не был другом Африки. Наоборот. Он оставил там черный след. Вместе с другими такими же, как он, авантюристами, которые заставляли Конго нести крест — крест страданий и боли.

Сейчас страна живет под свободным флагом, национальное возрождение ее становится фактом. И все же чувствуется: колонизатор не ушел окончательно. Собеседник в гестхаузе «Отрако» — явно преступник, но он на свободе. Обзавелся домиком и собаками, транжирит деньги. Он пока что вне зоны гнева африканцев. Потому что гнев этот и рост самосознания нейтрализуют разными способами и «белый отец», и «добрый» владелец «леопардов», и чиновник, работающий на иностранную компанию.

И все же у человека с катангским крестом на шее в глазах тревога. Век последних колонизаторов пришел. Они, правда, еще сильны, хитрости у них хоть отбавляй, и коварства, и наглости. Тем и держатся. Но перелом наступил.

В одной глухой конголезской деревушке мне рассказывали, что члены этого племени начали поклоняться... транзисторному приемнику. Раньше поклонялись там-таму. Они обязательно пока еще чему-нибудь поклоняются. Пусть приемнику. Но когда я был в деревне, по этому приемнику слушали передачу о военных действиях партизан Анголы. Слушали ее всем селением.

Когда отступает саванна...

Браззавиль закрыт от экваториального солнца зеленой шапкой деревьев. Под этой шапкой, украшенной яркими цветами, течет спокойная и размеренная жизнь. Медленно скользят автомобили. По воскресеньям, в полдень и в дождливую погоду город пустеет. И только вечером у кинотеатров появляются люди.

Браззавиль резко отличается от города, раскинувшегося на противоположном берегу Конго, — Киншасы. Как-то эти города называли близнецами. Неверно! Их разделяет не только река.

Киншасу растил крупный, чванливый бизнес. Браззавиль же, не имея в «сундуках» ни меди, ни урана, а располагая всего лишь небольшими запасами железа, олова, цинка, фосфатов, не мог быстро расти ни вверх, ни вширь. В Браззавиле много голубей. В Киншасе их тоже немало. Но вся разница в том, что голуби в Киншасе не ночуют, а перелетают через реку на правый берег: говорят, что это из-за ДДТ, которым с самолетов регулярно посыпали улицы, дабы горнозаводчиков не беспокоили мухи, тараканы и комары.

Если выехать из Браззавиля, то уже на двадцатом километре даже на очень издерганного заботами человека снизойдет удивительное спокойствие: холмы Африки навевают думы о благодатном крае, лишенном волнений, страстей и переживаний... Убегают вдаль дорога, местами красная, местами желтая — такая здесь земля. Мелькают хижины под соломенной крышей с нарисованными окнами, нарисованными потому, что стекло здесь еще предмет роскоши... Рядом с хижинами на абсолютно голой земле (траву выбивают, чтобы легче было увидеть змею) разгуливают поросята. Женщины с тазами или связкой дров на голове, с ребятами за

спиной останавливаются и приветливо машут руками вслед автомобилю... И снова сочная, зеленая трава в метр высотой забором стоит вдоль дороги... Где-то между двумя городками, Лудима и Кинкала, мы остановились. Мгновенно нас окружили ребяташки. Один из них держал книжку, и я спросил, в каком классе он учится.

— В третьем, — ответил мальчик.

— А ты учишься? — спросил я другого.

— Нет, работаю на железнодорожной станции. И получаю девятнадцать тысяч франков в месяц.

Гордость, с которой говорил пятнадцатилетний рабочий о своей заработной плате, понятна. Тогда в Конго было еще много безработных. В среднем за работу по найму получают восемь-девять тысяч франков.

Когда говорят о трудностях в африканских странах, то часто объясняют их скудностью государственной казны, отсутствием квалифицированных рабочих кадров, нехваткой инженеров, учителей, опытных экономистов и организаторов производства. Все это верно. Также верно и то, что корни бед и трудностей нужно искать в колониальном прошлом. Но было бы ошибкой все трудности объяснять только этим, относить их за счет прошлого.

В Народной Республике Конго, с территорией 345 тысяч квадратных километров и населением в миллион человек, промышленность развита слабо: один сахарный завод, один рыбоконсервный, табачная фабрика, небольшие маслобойные и деревообрабатывающие предприятия. Но даже они, как и в Республике Чад, находились в чужих руках. Конечно, при первом президенте, Юлу, иностранным компаниям жилось значительно вольготнее. Бывший аббат отличался не только любовью к шампанскому, — он делал все, что говорили ему его хозяева — западные монополии.

Когда Юлу согнали с президентского кресла, империалистическая пресса сначала не придавала этому большого значения. Но позднее хозяева монополий поняли, что переход политической власти в руки прогрессивных элементов таит для них большую угрозу. Тогда представители иностранных фирм разработали (и это перестало быть секретом) планы на тот случай, если правительство попытается национализировать их собственность.

Готовят обед. Жители этой деревни пригласили к столу и нас.

После беседы с господином Наттером я поставил перед собой задачу встретиться еще с кем-нибудь из западных бизнесменов. По возможности из крупных. Мы говорим: кто платит, тот и заказывает музыку. Иногда же те, кто платит, сами и исполняют ее. Мистер Наттер мозгует не только над «леопардами» и ценами, он «дрессирует» способность свою и других четко и своевременно реагировать на малейшие изменения в общественной жизни. Зачастую как раз в кабинетах химических, золотодобывающих, машиностроительных компаний рождаются идеи, которые потом подхватывают пропагандисты-профессионалы.

В Браззавиле у меня были два хороших знакомых. Я всегда останавливался в гостинице «Метрополь», уже староватой, без современных удобств, но чистенькой и с хорошей кухней (для Африки и жары это немаловажно).

Ее хозяин мосье Андреа к советским людям был неравнодушен. Во время войны он совсем еще молодым человеком ушел в ряды Сопротивления. Там познакомился с русскими, которые бежали из гитлеровского плена. Сейчас хозяин гостиницы изменил взгляды на многое, но дружбе и памяти товарищей по оружию остался верен.

Примерно метрах в пятидесяти от магазина «единых цен» (за триста франков можно купить пятнадцать-двадцать разных вещей; тут немного дешевле, чем в мелких лавках) и здания авиакомпаний стоял гараж мадам Парфеноф. Она владела полдюжиной автомашин и сдавала их напрокат. Обычно я брал маленький «фиат-600» и всегда получал чистенькую, с хорошо отрегулированным мотором машину. Мадам Парфеноф — русская, дочь казачьего офицера, бежавшего от революции во Францию. «Проев» бриллианты, офицер пошел в таксисты. Потом обучил шоферскому делу детей, даже младшую любимицу дочь. И когда ее жених попросил будущего тестя отпустить дочь в Браззавиль, тот согласился. Молодые супруги открыли свое дело.

Мадам Парфеноф посетителей встречает всеело и приветливо. Но в тот день женщина выглядела огорченной. Какой-то приезжий господин хотел взять напрокат «форд-импалу» с установкой для охлаждения воздуха, автоматическим переключением скоростей, телефонным аппаратом. Конечно, такую машину держать было бы для мадам разорением. Но чтобы не терять марку, она сказала: «Ах, господин, с удовольствием бы, но третьего дня я сдала свою „импалу“, ее возвратят только через неделю». Оттого и настроение плохое. Ведь то, что «нарабатывали» ей пять «фиатов-600» за три месяца, «импала» при таком клиенте могла бы принести за три дня. Но делать нечего...

— А кто же этот господин?

— Право, не знаю,— ответила хозяйка и подала мне ключи, предупредив, что задний ход включается не совсем хорошо.

Разыскать любителя «импалы» оказалось делом нетрудным. Господин Андреа обзвонил своих приятелей. К одному из них приехал родственник: «Откуда-то с юга, да-да... Всего на пару дней». Когда я услышал «откуда-то с юга», вспомнился материал в «Комсомолке» об

«алмазном и золотом» Оппенгеймере, миллионере из ЮАР.

Итак, после нескольких звонков господин Андреа сообщил, что действительно к одному из его приятелей приехал родственник и с ним можно встретиться. Но просил «не очень налегать на политику». Эта просьба меня не смущала, потому что сам господин Джекобсон (так звали южанина) обязательно «наляжет» на политику — иначе какой же он «медный или сахарный король».

Готовясь к встрече, я вновь перебрал в памяти все, что читал о людях, которые правили Африкой или еще держат ключи от некоторых ее кладовых. Я хотел угадать черты моего будущего собеседника, заранее представить характер миллионера XX века. Оппенгеймер уж чересчур богат, у него слишком большие и громкие связи за океаном, и, конечно, в некотором роде суперкороль алмазов был не совсем типичным представителем большого бизнеса. Самой подходящей фигурой мне представился господин Джон Соברי Уильямсон.

Это не суперкороль. Но и не рядовой середнячок. По образованию — геолог. Родился в Канаде, а зрелые годы провел в Африке. В господине Уильямсоне заиграла кровь предков, перевернувших не один кубометр земли Клондайка, и он начал поиски алмазов южнее озера Виктория. Говорят, что парню пришлось трудно: он голодал, его терзала и чуть не убила малярия. Но алмаз, который лежал где-то рядом, как бы придавал неведомую силу искателю. И вот успех! После трех лет скитаний нашел наконец клад. Он лежал на поверхности голый и унылой земли, над которой нависло свинцовое небо. Выли шакалы, заводили свою жуткую песню гиены. Но алмазы были найдены! Как бамбук, начал расти поселок: магазины, лавки, пивные бары, игорные дома и самое главное — установка для промывки алмазов. Три тысячи рабочих ежедневно добывали по триста пятьдесят каратов. Могли бы и больше, но хозяин не хотел ставить под угрозу высокие цены на международном рынке. Для охраны своего богатства Уильямсон пригласил опытного сыщика Бергесса, служившего инспектором в Скотланд-Ярде. Инспектор с двадцатилетним стажем оказался таким великолепным хранителем сокровищ, что для проверки рабочих не было даже необходимости применять рентгеновы лучи. Охранники, па-

трулирующие на пони (пони в отличие от лошадей шагают бесшумно) вдоль колючей проволоки, прожекторы, собаки, ловкие руки тех, кто обыскивал, — всего этого было достаточно, чтобы каждый камушек попадал по назначению — в сейфы хозяина. И сами сейфы охранялись очень надежно: дверь из конторы вела в специальное помещение, оттуда шел ход в бронированную подземную комнату. Здесь и стояли три железных ящика с алмазами, четвертый — с банкнотами. Каждая комната, каждый сейф имели сложнейший замок. Можно было иметь ключ и все же не открыть: необходимо знать цифровой шифр. Шифры менялись каждую неделю, а ключи хранились у разных людей.

Центральная улица поселка Уильямсона называлась Даунинг-стрит. В Лондоне на Даунинг-стрит расположена резиденция премьер-министра Великобритании. Смысл ясен. Господин алмазовладелец был тут и царь, и премьер, и парламент. Он наладил великолепные экономические связи с лондонскими банками, а с государственными деятелями — крепкие узы дружбы и взаимовыручки. Господин Уильямсон облагодетельствовал даже королеву. Когда она была еще принцессой, он преподнес ей драгоценный камень в пятьдесят шесть каратов, который даже по тем временам стоил сто тысяч фунтов стерлингов.

В довершение я узнал, что человек, богатства которого никто точно не знал, был застенчив и тих. Он не обзавелся семьей, не любил гостей. Редко покидал свой поселок, хотя владел четырьмя самолетами. Хобби застенчивого миллионера — книги в их первом издании.

...Прочитав об этой примечательной личности (господин Уильямсон умер в 1958 г., и его доля рудников перешла Танзании), припомнив еще кое-какие рассказы о нем, я собирался на встречу с мистером Джекобсоном, рассчитывая увидеть если не двойника Джона Уильямсона, то кого-то похожего на него.

Мы встретились в клубе «Хи-Фи». Это небольшое уютное местечко, уголок парижского квартала. Здесь подают розе, можно заказать сырой, специально приготовленный фарш из свежей конины.

Солнце блестело на бирюзовой крыше собора Святой Анны, ажурное здание парламента покрылось розовой предзакатной тьмой, тихий ветерок тянул с реки.

По ней в сторону Браззавиля из Киншасы двигался пароходик. Обрато он уже не пойдет: наступит ночь.

Мистер Джекобсон меня разочаровал. Конечно, я старался этого не показывать. Разочаровал своей непохожестью на Уильямсона. Крупные чистые розовые ногти, блестящие и жесткие седые волосы, постоянная сигара в зубах обнаруживали крепкое здоровье. Насчет книжек я не стал спрашивать. И правильно сделал, потому что они ни в первом, ни в каком другом издании не интересовали бизнесмена, хотя необходимый минимум литературных знаний для поддержания разговора у него есть. Он собирает телефонные трубки, особенно старые. Мой рассказ о том, что в Каире, недалеко от золотого базара Хан эль-Халили, есть магазин, где висят сотни переговорных аппаратов со времен Эдисона и до наших дней, вызвал живейший интерес. Адрес немедленно был записан, и я уверен, что к берегам Нила полетел если не сам коллекционер, то уж наверняка кто-нибудь из его подчиненных, и порадовался за владельца каирского утиля (не раз я выслушивал: «Совсем никаких доходов от трубок»): пришла и к нему удача.

— Нет, не посылая королеве алмазов и двигателей тоже,— в тон моему шутливому вопросу ответил Джекобсон.— Я скупой.

Беседа перешла на более серьезные темы. Только что совершился переворот в Гане. Было много разговоров об «эре генералов», роли армии и т. д. Конечно, военный переворот военному перевороту рознь. В некоторых случаях безудержное обогащение верхушки вызывало недовольство, и армия становилась орудием политических операций, в которых заинтересованы массы. Другое дело в Гане. Там, несмотря на недостатки, происходили важные социальные и экономические преобразования, страна бескомпромиссно заняла место в антиимпериалистическом лагере. Для того чтобы «ликвидировать эту брешь» (терминология западных африкановедов), был разработан военный вариант реставрации колониального господства. Немедленно после переворота теневой кабинет заговорщиков включил в дело все службы — от специалистов по банковским операциям до идеологов. Под генеральский погон путчистов подвели теорию. Об этом и начал рассуждать Джекобсон.

— Я считаю,— с апломбом заявил он,— что для аф-

риканских стран диктатура военных, а точнее, офицерства, во-первых, неизбежна, а во-вторых, необходима.

Здесь он чему-то улыбнулся. Может быть, вспомнил рассказанную кем-то историю (скорее всего шутку) о том, как некий президент выхватил однажды пистолет и всему парламенту крикнул: «Руки вверх!». Парламентарии струсили, а президент, глядя на свой браунинг, смекал: «Сила-то не на небесах, а именно в таких вот штучках».

— Забавная эта, скорее всего выдуманная, история с пистолетом, слышали ли вы о ней? — спросил я, желая проверить свое предположение.

— Да, да, забавная, — подтвердил мистер Джекобсон, — но я помню случай поинтереснее. В одном из конголезских племен есть такой вид спорта — двое самых сильных юношей борются с удавом. Недавно я наблюдал это состязание. В конце концов ребята упали, а удав грохнулся прямо на них. Все трое устали...

Я не понимал, в какой связи приведен рассказ о змеях. Он ведь как будто ничего не добавлял к тезису Грэхэма Хови из «Нью-Йорк Таймс», с которого мы начали разговор. Хови оправдывал ганских генералов так: «Армия в Африке является самой прогрессивной силой, потому что офицеры все-таки люди ученые, им ближе двадцатый век: ведь они пользуются не копьями, а пулеметами».

Не дождавшись ни продолжения, ни разъяснения рассказа об удавах, я поинтересовался его мнением об идее Г. Хови. Мой собеседник разделял ее. И даже развил: военных типа ганских путчистов с прозападной ориентацией он рассматривает как силу, которая сплачивает и объединяет племена. А главное, армия играет роль второй партии, т. е. оппозиционного режиму (если, конечно, режим не угоден алмазным королям). Тем самым любой произвол в отношении прогрессивных сил со стороны офицеров западной закваски автоматически оправдывается. Газета «Обсервер» по этому поводу писала: «Если солдаты обнаружат, что в их руках оказалась власть, а в головах пустота, то их положение плачевно». Если плачевно, надо помогать. И вот тут за «пустые головы» берутся джекобсоны. Они набивают их такой «ориентацией», которая им выгодна.

Итак, мы поговорили. Я спросил еще об операциях

«лунный свет», «роса на заре» и «ночная бабочка» (кодовые названия некоторых правых мятежей), но господин Джекобсон уверял, что ничего об этом не знает, и предложил лучше прокатиться по окрестностям Бразавиля. Я согласился.

Миновав кварталы справа от монумента Бразе — однотипные домики зажиточных африканцев, выскочили на простор. Тут-то меня и осенило: кажется, я понял ход мыслей собеседника, когда он рассказывал об удаве.

— А какую бы вы дали подпись к снимку: двое парней сражаются с удавом? — подошел я с другой стороны.

— «Они учатся покорять природу». Или: «Схватка с жизнью — ничья», — серьезно ответил американский бизнесмен. Но он явно лукавил. Есть сила в Африке, которая вмешивается во всякую внутреннюю борьбу, разгорающуюся на этом континенте. Это неокOLONиализм. Натравливая на сторонников прогресса его африканских противников, он стремится истощить обе стороны и стать арбитром, рассчитывает в конце концов вновь завоевать Африку.

Да... мало чем он был схож с Уильямсоном. Слушая его рассуждения о роли армии, о военных, все больше казалось, будто я говорю с полковником из Пентагона. Но он не был полковником. В молодости, правда, служил в морской пехоте. И все. Штатский человек. Но имя его однажды промелькнуло в одной африканской газете. Не знаю, не уверен, действительно ли мой спутник, такой благородно седой, такой добрый дедушка (он остановил машину около деревушки и сфотографировался с девочкой на руках: «Пошлю снимок внучке, она обожает цветных детей»), был связан с нашумевшей историей о контрабанде оружия из США в Африку.

А дело было, если помните, так. Весной 1966 года американская пресса обнаружила, что под тайным руководством ЦРУ владельцы оружейных складов снабжали военной техникой португальские колониальные войска. А в это время, желая завоевать симпатии молодых наций, США довольно громко журили лиссабонцев за их «безответственный курс». Соединенные Штаты, так прямо и заявил летчик Хоуке, один из участников контрабанды, не хотели предавать гласности свои сделки с Португалией. Они опасались, что в ООН их обвинят в

помощи тем, кто расправляется с восставшими африканцами.

...Кто знает, может быть, и не зря упоминалась фамилия Джекобсона...

Было уже темно, и мы повернули назад. Кое-где на корточках сидели ночные сторожа и грели руки: после захода солнца и в тропиках бывает прохладно. Из кинотеатра вышла публика.

Когда я пришел в гостиницу, господин Андреа сидел за стойкой. Очки на носу. Аппарат подсчитывает прибыль за день.

— Ну как? — он посмотрел на меня вопросительно. — А-а-а... Интересно? Ну, я рад.

Меня удивляло, зачем приехал сюда этот богач господин Джекобсон. С братом-врачом он виделся мало. На особую приветливость властей ему не приходилось рассчитывать: все-таки он житель ЮАР. Да и меди с ураном в Конго (Браззавиль) нет. Непонятно.

...Подсчитав выручку, мосье Андреа снял очки, налил в фужер вина и поинтересовался: «Слышали новость? Опять через Браззавиль контрабандой вывезена партия алмазов. Самолетом. Темная история. Кто-то очень ловко обдeldывает это дельце. И не впервой...»

Но кто? Не спросить ли у самого господина Джекобсона?

Мы договорились с ним пойти утром в школу Пото-Пото. Я ждал минут сорок. Но напрасно. Рассыльный принес мне записку, в которой Джекобсон просил извинения за то, что не может составить мне компанию.

Поехал один. Пото-Пото — один из районов Браззавиля. Там есть знаменитая школа конголезских художников. Читатели наверняка знают о ней и о ее организаторе французе Пьере Лодсе, о том, как популярны картины, рождающиеся здесь, под соломенной крышей и бликами африканского солнца. Чурбаны из гигантских деревьев служат и стулом и столом. ...Картина за картиной, как кадры цветного фильма, уводят нас в конголезскую саванну, приглашают полюбоваться домиками деревень и лицами их жителей. Вдруг — стоп! Что это? Вот не ожидал! Знакомое лицо. Я видел его на фотографиях.

— Да-да! — серьезно замечает художник, — это «человек со шрамом». Отто Скорцени.

Портрет выполнен плакатно, сочными тонами. Но если на картине, висящей рядом, эти же краски вызывают нежность к молодой африканке, то здесь они зловещи.

История портрета такова. В Анголе были открыты крупнейшие залежи урана. Тотчас сработала сигнальная система монополий. Первой оказалась западногерманская. Используя свои связи с фашистскими режимами Франко и Салазара, ФРГ решила прибрать к рукам концессию на разработку будущих урановых рудников. В Киншасе знакомые западные журналисты высказывали мысль, что в Анголу, возможно, поедет сам Отто Скорцени. В 1955 году этот военный преступник, гитлеровский террорист, один из главарей эсэсовцев, «человек со шрамом», стал главным представителем западногерманских монополий в Испании. Там, в фешенебельном мадридском ресторане «Хорьхер», и была заключена сделка с Яльмаром Шахтом — бывшим президентом гитлеровского «Рейхсбанка», которого в свое время осудили на Нюрнбергском процессе, но потом благодаря заботам друзей отпустили на все четыре стороны. Одной из первых он выбрал Испанию.

Итак, Отто Скорцени — «Отто-призрак» — выполняет новые поручения. Судя по всему, ему вменили в обязанность следить также за Африкой. Во время борьбы алжирцев за независимость, как известно, действовала банда оасовцев. Она терроризировала население, устраивала провокации, взрывы, убийства. Многими операциями руководил бывший нацист, приближенный Отто Скорцени — Виммер-Ламквет. Он еще до войны много времени провел в Африке, считался ее знатоком, и «человек со шрамом» направил в Алжир своего подчиненного. Неужели в Анголу решил ехать сам?! Можно понять, почему именно он: реваншисты ФРГ рвутся к атомному оружию, все дела, связанные с достижением этой цели, они доверяют надежным людям.

Видимо, партизанам Анголы стало известно об этом, и они попросили художников школы Пото-Пото нарисовать портрет нациста. Его было решено размножить в листовках и распространить в городах и селах, чтобы люди знали, кто может пожаловать к ним в страну и зачем. Чтобы знали, кто принес и еще способен принести людям много горя.

Вот он, убийца, разъезжает с портфелем бизнесмена. Может быть, он уже встречался с господином Джекобсоном, и я уверен: встреча эта прошла бы приятно для обеих сторон. Американец уже выкачивает из Африки уран. То же собирается делать и западногерманский капитал, и пробить ему дорогу должны люди, подобные Отто Скорцени.

Но времена настали иные. И здесь, в Конго, африканец уже поднимается над своими узконациональными интересами и живет судьбой человечества. А главное, он понимает связь таких явлений, как фашизм и неокOLONиализм. Скорцени и Джекобсон (даже если они лично незнакомы) действуют рука об руку. И поэтому все, кто живет ради свободы, удваивают бдительность.

Уже после встреч в Браззавиле я снова поехал в Киншасу. Там проходила Ассамблея Организации африканского единства. Прежде всего мне хочется рассказать о тех участниках встречи, которые пришли сюда партизанскими тропами. Я попросил своего старого друга Жоакима познакомить меня с ними. Партизанский командир, он знал здесь многих.

Красивые, сильные ребята. У одного из них рука на перевязи: совсем недавно вышел из госпиталя. Говорят, что это великолепный разведчик и по смелости ему нет равных в джунглях Анголы. Но Жоахим подвел нас к стройному молодому человеку и сказал:

— Знакомьтесь. Это художник из Эфиопии. Наш товарищ — Афеворк Текле.

Абиссинец Афеворк Текле никогда не был в Анголе. Он не шагал в отрядах партизан Мозамбика, «португальской» Гвинеи. И все же ребята, которые пришли с поля боя, считают его своим, товарищем по оружию. Почему?..

Шли последние часы работы Ассамблеи. В зале делегаты обличали колониализм, требовали осудить страны, которые вскармливают орды наемников-головорезов, слушали речь У Тана.

Мы, журналисты, ожидая окончания закрытого заседания, сидели в уютной комнате, из окна которой хорошо было видно реку Конго. С нами был Текле.

Его родители хотели, чтобы сын стал инженером-нефтяником. Послали учиться в Англию. Но талант художника, пробудившийся в восьмилетнем возрасте, не

дал забыть об искусстве, и юноша взялся за кисть. В его произведениях вылились вся боль Африки, ее надежды, страдания, любовь к людям, восхищение неисчерпаемой силой народа. Картины абиссинца увидел мир, слава тридцатичетырехлетнего художника разнеслась по свету.

... Я думал, что Текле начнет с рассказа о своем творчестве. Но он говорил о другом — о встрече африканских лидеров. Текле считает очень важным тот факт, что впервые на Ассамблее обсуждаются вопросы культуры, пути развития африканского искусства, возрождения тех духовных ценностей, которые были, казалось, навечно похоронены колонизаторами. Он, например, много времени провел с катангскими чеканщиками по меди. Их искусство не может не изумить, и художник уверен, что кладезь народного таланта неисчерпаем. Но нужно воспитывать этот талант, дать народу школы, глубже изучать достижения искусства других стран (журнал «Эфиопия миррор» писал как-то, что Текле создает свои произведения под музыку Чайковского, Листа, Брамса). Текле рассказывал еще о поездке в СССР, о том, что его выставку посетили 115 тысяч человек.

— Я многое почерпнул, — вспоминает, он, — для своего творчества из опыта советских художников, из сокровищницы русского искусства. Это была незабываемая поездка.

Текле рассматривает творчество африканского художника, музыканта, поэта как миссию, которая вместе с вооруженной борьбой и экономическим строительством должна сыграть для Африки важную роль.

Перед нами лежала газета, в которой сообщалось, что триста наемников готовятся вылететь из Бельгии на помощь расистам Южной Африки, на помощь тем отрядам, которые засели тогда в Конго.

— Расизм — это варварство, насилие над достоинством личности, снижение сознания до уровня пещерного человека, — говорит Текле. — Человека отличает то, что он чувствует ответственность за судьбы других. Расисту, так же как и фашисту, этого не дано.

Триста головорезов собирались в Африку. На Ассамблее люди думали над тем, как отрезать им путь, не допустить разбоя. Им и тем, кто, как германские промышленники, вскармливает фашизм, реваншизм, неоколониа-

лизм. В эту борьбу внес свой вклад и молодой художник из Абиссинии, внесли свой вклад и мастера из школы Пото-Пото.

...Когда председатель Ассамблеи ОАЕ оповестил о том, что заседание закончилось, мы спустились в холл парламента. Нас увидел Жоаким. Он обнял Текле и сказал:

— Я уезжаю сегодня. Туда. Доберусь, наверное, дней через десять. Приезжай к нам в отряд.

Они расцеловались.

Конго (Браззавиль) расположено рядом с Анголой. Когда выйдешь за пределы городской черты, снисходит благодать. Зеленые холмы Африки навевают думы о крае, лишенном волнений и переживаний. Но вот встреча с иностранным бизнесменом, художниками... Кто-то произносит имя «человека со шрамом»... И благодати как не бывало. Потому что ее нет. Потому что даже эта маленькая страна втянута в водоворот мировых событий, где противоборствуют силы прогресса и силы реакции.

В стране Белой горы

Меньше всего я был подготовлен к событию, которое мне пришлось увидеть в Найроби.

Вспоминая фотографии волков, рысей, медведей, гусей, сделанных нашим талантливым природолюбом корреспондентом «Комсомолки» Василием Песковым, хотелось отснять «царей», «князей» и «дворян» животного мира Восточной Африки. Мне неоднократно описывали, как разгуливает на воле «царь» зверей — лев, как оспаривает у него этот титул умный слон, а «князь» пернатых — страус свысока смотрит на выскочек бабуинов и прочих ниже его ростом и менее благородной осанки обитателей саванн.

Однако первые кадры пришлось потратить не на намеченные заранее объекты, а на... автомобили.

Сафари по саванне

Чувствовалось, что город охватила лихорадка. По улицам Найроби, попирая правила местной автоинспекции (а они здесь строгие до умопомрачения), пронеслись разукрашенные автомашины — участницы восточно-африканских автомобильных гонок — сафари. Около банка Барклай — напряженная толпа: нужно было предсказать, какая машина придет первой (за правильный прогноз — новенький форд, который стоял тут же). Соревнования захватили буквально все сферы жизни города. Казалось, отодвинулись в сторону все другие дела и заботы. Торговцы рисовали автомобили везде, где только можно. Владельцы заводов прохладительных напитков, потеряв чувство меры, утверждали, будто участники гонок все шесть дней будут питаться только кока-

колой или фантой (сорта лимонада) и чуть ли не заливают ими свои радиаторы. Одним словом, уйти от такого события не представлялось никакой возможности.

И вот я у серого величественного здания ратуши. Молодая жена президента Джомо Кениаты и мэр города господин Рудиа с золотой цепью на груди готовятся дать старт шести десяткам ревуших «зверей». Кто победит? Вопрос этот мучил всех: и ловцов удачи у банка Барклай, и репортеров, и ребятишек, и стариков, и, естественно, водителей, а главное — владельцев фирм, чьи автомобили должны были пройти по красным дорогам трех стран — Кении, Танзании и Уганды. Вопрос этот мучил всех, кроме одного человека — звездочета господина Садруддина, живущего в Найроби. Ему не нужно было знать объем цилиндров автомашин, прочность рессор или мастерство водителей. Он ткнул в небо и сказал:

— Видите, как расположились планеты! Видите, какое место занял Сатурн! А солнце? Вот что, — звездочет окинул горделивым взором газетчиков, судей и полных мужчин в широких галстуках — представителей фирм, — победит Руби Рэндолл.

Когда Рэндолла еще до начала гонок ознакомили с их результатами и хотели вручить золотую медаль, он покраснел от удовольствия, но все же нашел в себе силы скромно отказаться и заметить:

— Ну что ж, по крайней мере я знаю кого-то, кто поддерживает меня.

Гонщик понимал, что ему придется иметь дело с сильными автомобильными «волками», которые не уступят дороги за здорово живешь и постараются во что бы то ни стало опровергнуть предсказание астролога.

Начались торжественные проводы. Я смотрел на Рэндолла. Его машина въехала на стартовый постамент. Радиокомментатор сообщил физические и биографические данные водителя. Сразу десять тысяч человек узнали, что господин Рэндолл предпочитает бифштекс с кровью бифштексу прожаренному, что он женат, любит свою жену и детей, что свободное от гонок время отдыхает за пасьянсом. Комментатор кончил. Госпожа Кениата улыбнулась. Мэр поднял руку, его золотая цепь звякнула о микрофон, флаг опустился. Рэндолл нажал на газ, и «форд-кортин» съехала с постамента. Что

За секунду до старта

ждет ее? Все понимали: гонки будут тяжелыми. Начался сезон дождей. Вспомнили предсказания синоптиков: они обещали необычно сильные дожди. Здесь даже от маленького дождя дороги мгновенно превращаются в жидкое мыло, а если ливень?! За время гонок надо пройти весь маршрут в одной и той же машине серийного производства, и только после двухсот миль — обязательный отдых; в контрольных пунктах с машиной делать ничего нельзя, кроме как протереть стекла, стоп-сигналы и номера; разрешается взять запасную канистр-

ру с бензином, поставить дополнительные фары, захватить цепи для колес.

Решив узнать, сколько пунктов и подпунктов в правилах, я сбился со счета. Они, между прочим, требуют, чтобы водитель имел при себе аптечку, огнетушитель, запас еды и воды на 48 часов. Предосторожности эти, конечно, не напрасны.

Водители должны опасаться не только зверей (например, в 1953 году безобидная антилопа выпрыгнула перед машиной гонщика Ларсена, и он вернулся с огромным синяком под глазом), но и сильных ветров, несущих тучи пыли; пожаров, которые в саванне очень часты; ливней, застилающих ветровое стекло... Во время гонок 1957 года одна из автомашин попала в реку и двое водителей погибли.

Правда, на этот раз участники сафари были лучше оснащены. Двадцать телефонных установок и тридцать радиостанций держали под контролем всю трассу. В газетах я видел снимки парашютов, предназначенных для аварийных десантов и для того, чтобы в случае необходимости доставить потерпевшим еду и запасные части.

Корреспондентам не разрешили следовать за участниками соревнования. И это, пожалуй, правильно. Иначе гонки превратились бы в соревнование между журналистами и водителями-профессионалами. Могли пострадать «сафаристы»: ведь расспросы, вспышки фотоблицев отвлекают и нервируют. В свою очередь издатели газет и редакторы не получили бы интересных репортажей: у журналиста все-таки меньше опыта, чем у гонщика, а значит, больше возможностей переломать руки и ноги.

Таким образом, газетчики, радио- и телекомментаторы остались в Найроби. Они метались по городу, добывая сведения о гонщиках. Были, правда, счастливики, которые за немалые деньги убедили кое-кого из шоферов взять передатчики, чтобы постоянно сообщать о ходе гонок. Те брали и аппараты и деньги, но часто вести передачи не могли: нужно было выигрывать сафари...

Интересного было много. Но, пожалуй, больше всего меня поразила власть денег в действии. Она, например, поставила бизнесменов в лучшее положение по сравнению с журналистами. Выстроившиеся на старте автома-

шины, казалось, прошли через красильные цеха, «художественные бани» и «косметические кабинеты» разных компаний, приложились своими боками к заготовленным клише и теперь пестрели отпечатками реклам и просьб, а скорее — приказов или ультиматумов: «„Обувайте“ свои колеса покрышками „Гудьир“», «Пользуйтесь бензином „Эссо“», «Употребляйте помаду фирмы „Елена Рубинштейн“»...

Компания кока-колы превзошла всех. Она, как и в предыдущие годы, взяла на себя расходы по оформлению стартовой площадки, сооружению трибуны для прессы, заплатила за номера водителей и за изготовление пропусков для почетных гостей и журналистов. Естественно поэтому, что на каждой дощечке трибуны, чуть ли не на каждом флажке стартовых украшений, на уголочках билетов красовалось: «Пейте кока-колу!» Говорят, что фирма выиграла и старт и финиш: продажа напитка, а значит, и прибыли компании за время сафари резко увеличились. Кока-коловские политики не обнесли и прессу. Специальный бюллетень сообщал, что в информационных центрах журналистов ждут бутылочки с «освежающим и тонизирующим эликсиром». Бесплатно!

Иные бизнесмены выразили свою, отнюдь не бескорыстную любовь к этому виду спорта в несколько другой форме. Было, скажем, «подарочное» направление. Компания «Эссо» решила преподнести победителям миниатюрную золотую цистерну при условии, если, конечно, победитель ездил, ездит и будет ездить на бензине «Эссо». Авиакомпания БОАК заготовила чемпиону бесплатный билет туристского класса для полета в Лондон и обратно, но при этом ставила одно условие: на машине должен быть призыв ко всем жителям планеты летать только самолетами БОАК. Агенты американского журнала «Ньюсуик» поднимали боевой дух будущих чемпионов тем, что гарантировали им бесплатную подписку. Но больше, несравненно больше поднимали дух винодельческие фирмы Франции. Своему соотечественнику, участнику гонок Фонтэну Гери они решили презентовать дюжину бутылок коньяка «мартель». Независимо от того, выиграет Гери гонки или нет, коньяк за ним.

Итак, еще задолго до старта Четырнадцатые восточноафриканские автомобильные гонки имели сильный и стойкий коммерческий привкус. В брошюре, оператив-

Так выглядели автомашины на восточно-африканских гонках

нейшим образом выпущенной компанией «Шелл», отмечалось, что «промышленники быстро поняли ценность сафари и гонки с самого начала превратились в англо-франко-западногерманскую битву, к которой присоединились итальянцы, шведы и японцы».

Конкурентная борьба обострялась с каждым часом, потому что положение на трассе становилось сложным. Зарядили дожди. Как и ожидалось, дороги развезло. Иногда среди ночи тревожный голос по радио сообщал, что потерялась такая-то машина. Поднимали на ноги спасательные службы, жителей названного квадрата просили выйти на помощь. Несчастных находили. Иногда они просто не могли выкарабкаться из грязи, иногда авария или серьезные поломки вынуждали гонщиков

сойти с дистанции. Очень скользко было в горах. Только самые удачливые, опытные и собранные преодолевали эти естественные препоны.

Чьи же колеса все-таки победят?

«Возможно, главная цель сафари,— писалось в упоминавшейся шелловской брошюре,— заключается в том, чтобы дать покупающей публике представление, что она приобретает за свои деньги». Так рассуждала «продающая публика». Но простые жители Найроби искренне восхищались этим тяжелым спортом и так же искренне желали гонщикам благополучного возвращения.

...Но вот и финиш! Помятые, с выбитыми фарами и треснувшими стеклами автомашины ворвались на проспекты Найроби и остановились у городской ратуши. Грязные, небритые гонщики... Их стало заметно меньше, и среди победителей Руби Рэндолла не было. Звезда астролога Садруддина чуть ли не закатилась... Новенький «форд» у банка Барклай достался егерю одного из национальных парков, который не верил ни в планеты, ни в приметы. Коньяк «мартель» выпили. Золотую цистерну вручили. Спортсменов отправили отдыхать. Прибыли положили в сейф. И только после этого Кения снова заблестала своим главным богатством, ради которого приезжают сюда тысячи людей. Заблестала «дикой жизнью».

Мвене-Ньяга и семеро пророков

Прежде чем отправиться в дальние кенийские края, я решил попытать счастья поблизости от Найроби. Признаюсь честно, я был несколько разочарован еще тогда, когда ехал с аэродрома в город. Ведь друзья, побывавшие в Кении, рассказывали истории, после которых я представлял себе: как стою у окна гостиницы в Найроби и не очень сильным телеобъективом снимаю слона, а по ночам мой слух услаждает вой гиены. Но все представало по-другому. Ни одного слона!

Поэтому, когда закончились сафари, я решил не строить особых иллюзий и действовать продуманно и паверняка. Составил план.

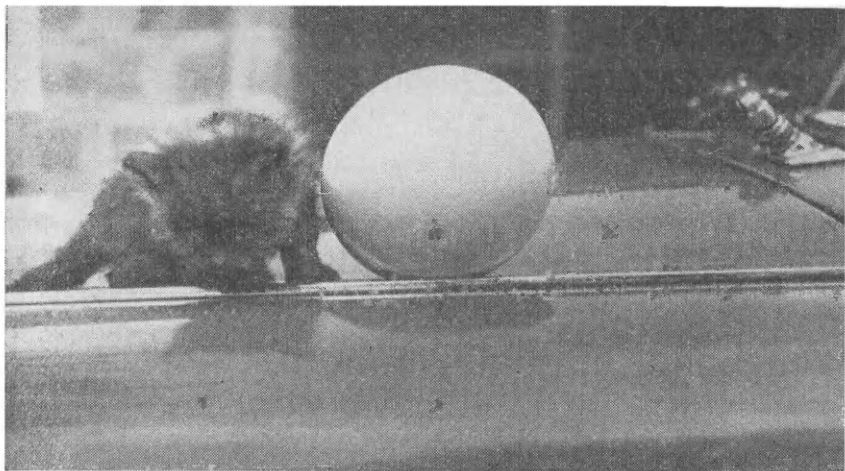
Первым пунктом значилось посещение заповедника пресмыкающихся. В загончиках спали маленькие и

большие существа, о которых рассказывали страшные истории. Одни убивают своим ядом мгновенно, другие — постепенно. Но не все змеи злы к людям. Есть такие, которые питаются яйцами: возьмет яйцо, где-то перед пищеводом оно лопается — скорлупа наружу, а желток с белком продолжают свой путь на здоровье любителя калорийной пищи. С ними случается меньше неприятностей, чем с собратьями, которые предпочитают мясо. Иной раз заглатывает слишком крупную жертву. Может получиться, что кость ее прорвет брюхо. Это хоть и не страшно (рана зарастает), но неприятно.

Самые интересные обитатели заповедника — крокодилы — спали на дне бассейна. Время от времени они медленно поднимались, подставляли ноздри воздуху, вдыхали новую порцию и снова мерно опускались на дно. Крокодилов пытались разбудить. Но у них был мертвый час, и нарушить режим оказалось делом трудным. Ведь это не какие-то змеи, которых зритель тревожил чуть ли не каждую минуту, показывая посетителям, как надо хватать самых ядовитых и увертливых. Крокодилы солидны.

После заповедника дела пошли веселее. В Национальном парке под Найроби мы натолкнулись на счастливую мамашу-львицу, окруженную автомашинами с туристами. Расположившись под кустом, она наслаждалась жизнью — вытягивалась, каталась на спине. Львята играли, точь-в-точь как котята. Ни они, ни мать на автомашины никакого внимания не обращали. Наверное, львица догадывалась, что администрация парка строго-настрого запрещает открывать не только двери, но и окна. Были случаи, когда люди дорого платили за свою «храбрость»... Поэтому и не удалось как следует сфотографировать львицу. А показавшийся было жираф позировать отказался и ускакал туда, куда машина проехать не могла. Удалось снять только зебру. Но разве это трофей?! Та же лошадь, только полосатая.

Так почти ни с чем я и вернулся в Найроби. Меня встретил коллега-журналист, мой добрый и славный друг, проживший в Кении несколько лет. Желая подбодрить неудачного охотника за экзотикой, он, во-первых, предложил тут же сфотографировать льва («Привези домой хоть один снимок, а то неудобно», — наставлял он), а во-вторых, пообещал свезти меня в «Три топс».

Сравнение не в пользу «льва»

Первое предложение было заманчиво, хотя я чувствовал какой-то подвох. Так оно и случилось: лев оказался черным котенком. Милым, веселым, но все же котенком. Сын товарища, Женя, усадил его на крыло «Волги», а рядом для фона установил белый шар. Подвох обернулся замечательным кадром, ибо «шар» был не шаром, а страусиным яйцом, да таким большим, каких я даже на картинках не встречал. «Лев», усаженный рядом с «фоном», был заснят. Кое-что я все же увозил домой. А попутно — и небольшой рассказ. Яйцо подарил Жене работник Национального парка. Это очень ценный сувенир, потому что по закону запрещается подбирать и уносить страусиные яйца. Но это было, видно, снесено птицей легкомысленной: не желая обременять себя заботами о потомстве, она ушла от еще не вылупившегося дитяти. Яйцо лежало день, третий, десятый... Вот потом его и подарили русскому мальчику. И тут же дали совет: чтобы яйцо не испортилось, просверлить в нем дырочку и убрать содержимое. Однако легко сказать «просверлить». Ни ножницы, ни гвоздь не брали толстую скорлупу. В это время в доме меняли электропроводку, и один из рабочих дрелью просверлил две дырочки. Звук при этом был такой, как будто режут танковую броню.

Мой друг, конечно, понимал, что двумя-тремя снимками удовлетвориться нельзя. Выполняя свое обещание, он через три дня сказал:

— Ну, брат, собирайся. Едем в «Три топс».

...Тарахтит старый автобус. Выхлопные газы и пыль мешают дышать. Пять человек долго бежали за автобусом, пока шофер не пожалел соплеменников и не остановился. Трудно было пристроить копыя, и поэтому они тыкались то в чемоданы и узлы, то в пассажиров.

Но зато... Вот тут обязательно нужен фотоаппарат. Элегантными прыжками, как будто на замедленной кинопленке, движется стая антилоп. Издалека замечаешь голову жирафа под развесистым деревом. А тут почему-то дорога вытоптана поперек. Оказывается, прошли слоны в поисках водопоя. Наступила засуха.

Мы остановились около небольшой деревушки. Шофер, пообедав рисом, завернутым в пальмовый лист, прилег в тени, а мы пошли в деревню. Невыносимой зной, лица у людей хмурые — засуха. Уже подготовили землю под посевы, уже отобрали семена, а дождей нет. Что делать?

Жители деревушки, оказывается, не теряют присутствия духа. Когда наступает засуха, старейшины собираются, чтобы обсудить положение. Потом вызывают семерых пророков, которые должны получить ответ или совет от Мвене-Ньяга, высшего божества, которому поклоняется племя. Если божество «молчит», не посылая ни дождя, ни совета, это означает, что «Мвене-Ньяга осерчал на людей». Нужно принести ему жертву — овцу. Только какой масти: черной, коричневой или белой? Если белой, то она должна быть абсолютно белой, без единого, даже самого крохотного пятнышка. Теперь другая забота: где взять жертву? При этом не только важно найти подходящую овцу, нужно еще знать, каков ее хозяин, ибо Мвене-Ньяга может рассердиться, если хозяин овцы окажется плутом, недостойным человеком. Наконец выбор сделан: и шкурка без пятнышка и хозяин с великолепной репутацией. Он получает зерно, которое специально выращивают для таких случаев, и мед, собранный пчелами со священного дерева. После этого выбирают старика, старуху, мальчика и девочку (до восьми лет), которые совершают жертвоприношение под священным деревом могут.

Ко дню жертвоприношения готовят два сосуда: один — с хмельным медом, а другой — с молоком от коровы, которая выбрана племенем для этого случая. Около священного дерева вождь отпивает часть содержимого сосудов: он показывает Мвене-Ньяга, что напитки не отравлены. Люди семь раз обходят дерево, затем начинается собственно жертвоприношение. Процедура эта длительная. Когда овца убита, участники церемонии начинают собирать листья и хворост от священного дерева. Из него же делают две палочки и, как в доисторические времена, трением добывают огонь. В костер опускают тушу, жарят. Кровь выливают в сосуд, где раньше было молоко, а растопленный жир занимает место медового напитка. Но вот мясо готово. Его режут на кусочки. Часть съедают старики и дети, а часть горкой складывают для Мвене-Ньяга. Потом кости и предназначенную богу порцию бросают в костер. Громко поют молитвы: дождя, дождя!

Через пять дней и ночей после жертвоприношения Мвене-Ньяга даст ответ. В это время из деревни никто не должен уезжать, особенно если, путешествуя, придется пересекать реки или ручьи. Деревня будет закрыта для гостей из других племен, чужеземцев. Воинам запрещается исполнять боевые танцы, потому что может возникнуть спор и вспыхнуть драка, а это все испортит.

...Автобус подпрыгивал на ухабах. На горизонте мы увидели тучу. «Вот тебе и раз,— подумалось,— действительно, деревня с помощью Мвене-Ньяга добыла дождь». За последние годы его пророки довольно верно выбирают день для жертвоприношения. Что ж, оно и понятно. Достижения науки XX века знакомы и пророкам. Например, они не видят большого греха в том, чтобы пользоваться барометром.

Рассказ о боге племени кикуйю, приготовления к жертвоприношению заинтересовали, и я попросил коллегу познакомить меня с каким-нибудь экспертом по местным религиозным вопросам. После расспросов выяснилось, что он живет недалеко от «Три топс». К нему и решили заехать.

Типичный для этих мест круглый дом. У старика волосы побелели, в ухе огромное кольцо. Рядом молодая женщина (со связкой бус на шее, в ушах тоже по связке — штук пять или шесть — колец) бреет голову ма-

лышу. Любопытная процедура. Сначала выбривают тонкую полоску от лба до затылка. Ее пересекает другая, которая начинается у левого уха и кончается у правого. Получается крест. Для чего? Старик берет пачку «лаки страйк» (сорт американских сигарет), чиркает зажигалкой и, отодвинув со щеки кольцо, объясняет:

— Это уберезет моего правнука от злых духов. Они испугаются и не тронут мальчика.

Говорят, в «каждом стакане своя буря». В данном случае она бушует уже много лет между Мвене-Ньяга и злым духом ороги. Ороги — это зло. Его люди, его служители достойны огня, — чувствуется, у старика накипело на душе. И, постепенно распаяясь, вспоминая, видно, давние обиды, он рассказывает о тех, кто мешает жизни племени кикуйю:

— Ороги рыскают по саванне и джунглям, они собирают ядовитые травы и растения, потом прячутся в уединенных и диких местах. Дымок поднимается над их адскими котлами — это варят яд.

Как узнать, варят ли ороги яд или просто свой обед? А может, это не ороги? Эксперт по культам делает жест: «Погодите, мол, объясню». Оказывается, ороги, да еще в момент, когда готовят зелье, узнать нетрудно. Маг недобрых сил во время «работы» мажет лицо мбирой — смесью сажи с маслом, а вокруг глаз ставит белые точки...

— Опасные это духи, — заключает наш хозяин, удовлетворенно поглядывая на правнука, которого хранит от яда ороги выбритый крестик.

Однако скоро мы убедились, что носителей зла не очень-то боятся: у членов племени кикуйю много средств против яда. Например, ороги захотят разрушить любовь молодых, подсунув девушке «напиток отвращения». Но не тут-то было. Юноша, почувствовав перемену в невесте, спешит к магу любви и излагает ему свою беду. У мага уже все наготове: особая трава в запасе, коренья собраны. Он все это перемешивает, затем тайно пробирается к хижине девушки и подбрасывает снадобье в ее очаг. Девушка спит и не подозревает, что, когда она вдыхает дымок очага, то с ароматом лекарства доброго мага к ней снова возвращается любовь.

Но главным защитником людей является бог Нгаи (когда к нему обращаются, то называют Мвене-Ньяга).

Он создал мир, людей, зверей, траву. Нгаи живет на небе.

— Но у него есть место и на земле,— старик почтительно привстает и показывает рукой туда, где, покрытая белой шапкой, стоит гора Кения. — Да, да, там.

У Мвене-Ньяга нет ни отца, ни матери, ни братьев, ни сестер. Но в его распоряжении солнце, луна, звезды, дождь, радуга, молнии и гром. Каждый из этих семерых подчиненных Мвене-Ньяга должен иметь своего исполнителя на земле — пророка среди людей. В его задачи входит постоянно поддерживать связь с резиденцией на небе или на горе Кения, толковать волю Мвене-Ньяга, разъяснять те или иные его действия.

— Например?

— Например? — старик собирается с мыслями. — Вот, скажем, молния убила человека. Сам виноват. Пророк докажет: ведь нельзя смотреть на небо, когда Мвене-Ньяга метает молнии. Нельзя смотреть на бога. Известно, что он встал с ложа. Гром означает, что Мвене потянулся, хрустнул суставами — если идешь по дороге, опусти глаза в землю; если спишь на спине, немедленно перевернись на бок.

Оставался еще один вопрос: где пророки обучаются мудрости общения с небом? Есть ли какие-нибудь школы или кружки, курсы по повышению квалификации?

— Нет,— старик выключил приемник,— эта, как вы говорите, квалификация должна прийти сама собой. Кстати, ни пророки, ни все остальные, кто исполняет волю небес, не должны использовать свое положение для личной выгоды.

Старик собирался на церемонию к священному дереву. Он накинул на правое плечо кусок ткани и медленно двинулся за околицу. Священное дерево в пяти километрах от села. Когда-то такие деревья были недалеко от деревни, но их вырубил европейские владельцы плантаций сизаля.

Мало осталось священных деревьев. Труднее стало добиваться помощи у Мвене-Ньяга.

Жду леопарда

«Три топс» — это заповедник, расположенный в 91 миле от Найроби, в стороне от больших дорог. Во

время борьбы за независимость Кении там скрывались отряды патриотов.

Нам предложили отдохнуть в гостинице «Аутспэн». Перед самым входом стояла зебра и «зарабатывала» шиллинги не очень тяжелым, но, по своей вероятности, скучным трудом. Вот на нее со стульчика забирается совсем уж старая американка. Усевшись на смирной полосатой лошади, она пудрит нос, подкрашивает губы, собрав силы, по-ковбойски лихо откидывается. Секунда в таком бравом виде — готово! Снимок сделан. Сколько таких фотографий привезет она в какой-нибудь Техас! Внуки увидят, как их бабушка «пересекала» на верблюдах Сахару, «тряслась» на ослике, преодолевая горные перевалы в Сирии, а в Киншасе от отеля до кафе «ездила» на слоне.

Фотограф работал всюю. Сейчас он запечатлевал на зебре священника в рясе, следующим стоял бородач, за ним мальчик в ковбойском наряде.

...Мы вошли в холл гостиницы. Осмотрелись и отметили, что реклама кока-колы добралась и сюда. Она облюбовала место у ветвистых рогов оленя и чучела какой-то рыбы.

После обеда и прогулки по постриженной лужайке начали собираться в путь. Обстановку явно накаляли. Служащий отеля громко спрашивал по телефону:

— Леопарды? Сколько? Внимательно следите! Вызовите охотников из Найроби! Вертолетом!

Появились вооруженные дробовиками сопровождающие. Врач каждого спросил, как сердце, готов ли уважаемый господин или уважаемая госпожа вынести волнения и острые ощущения. Неготовым оказался длинноволосый парень с гитарой. Он потребовал назад деньги. Получив отказ, сообразил — «что упало, то пропало» и полез в джип. Тронулись...

Мы добирались минут сорок по извилистой дороге. Встретил нас сухопарый седой англичанин. Поправив на плече ружье, он произнес короткую, но выразительную речь:

— Идти гуськом. Не отставать. Постараться не кашлять и говорить шепотом.

Вспомнилось объявление, которое висело у входа в туристскую контору в Найроби. Оно должно было пробудить инстинкт охотника и заставить его решиться на

путешествие в «дикую жизнь». Объявление сообщало. «Вчера в „Три топс“ видели: слонов — 9, носорогов — 5, леопардов — 1».

И вот мы у места, где был вчера леопард. Пошли. Наш вооруженный гид время от времени замирал и озирался. Тогда мы тоже замирали и озирались. Однако переход закончился успешно, и мы вступили на лестницу трехэтажного дома. Его выстроили, используя в качестве опоры деревья. На ночь лестница дома убирается либо перекрывается решеткой.

Лица туристов утратили напряженность, и, наверное, каждый, ступив наконец на обзорную площадку и глянув вниз, сказал про себя: «Нам не страшен серый волк» или «желтый лев» — кому что не страшно... Волков внизу не было... Львов тоже...

Главной достопримечательностью гостиницы является мемориальная доска: «На этом дереве мгуму ее королевское высочество принцесса Елизавета и его королевское высочество герцог Эдинбургский провели ночь на 5 февраля 1952 года. Здесь, после того как умер король Георг VI, его дочь принцесса Елизавета была провозглашена королевой».

Оставив вещи в уютных номерах, приготовив бинокли и фотоаппараты, все снова вышли на площадку, уселись в кресла и стали ждать. Отовсюду могла показаться «дикая жизнь». Настоящая. Не то что дикие кабаны и собакообразные обезьяны бабуины. Кабаны мирно паслись на виду у всех. Если они находили что-нибудь вкусное, то деликатно подгибали колени и ели. Бабуины же, напротив, были лишены всякого такта. Завидев у мальчика печенье, бабуин с детенышем под брюхом стремительно взобрался по сваям и буквально вырвал лакомство. Другим его собратьям также хотелось «пощипать» туристов. И когда одна из дам поднесла к глазам бинокль, обезьяна схватила ее нейлоновый мешочек и бросилась вниз. Однако похитителя ожидало разочарование: в мешочке были лишь вязальные спицы и моток шерсти.

Первые жертвы «дикой жизни» были принесены. Что же будет дальше?

Скажу откровенно, нам не очень везло. Носороги, слоны и леопарды не появлялись. Устав от ожиданий, я пошел в холл. Там на столе, рядом с которым стояла

пепельница из ноги слона, лежали толстые книги с записями впечатлений. Читая их, я испытывал зависть. Вот что писал герр Зайдель из Гамбурга: «Вдруг из леса вышел леопард. Его увидели слоны. Сначала выжидали, а потом бросились на леопарда».

«Видел, как дрались носороги».

А один из туристов, некий Гудзон из компании по распространению химических продуктов, был, вероятно, так потрясен, что свои впечатления об увиденных животных решил выразить в стихах.

Национальные парки Кении (так здесь называют заповедники) — ее слава и золотое дно. Здесь бывал Эрнест Хемингуэй, сюда приезжают кинорепортеры, принцы, ученые, просто туристы. В Найроби можно купить или взять напрокат любое ружье, а за определенную плату вам устроят охоту на любое животное. С нашествием туристов и охотников у «дикой жизни» прибавилось врагов. Теперь уже не только пуля угрожает льву. На него охотятся с сетями, ему подбрасывают снотворное (однажды перепутали дозу, и несколько животных погибло). Не меньшую опасность представляют и модницы: появились рекламы манто из леопардовой шкуры, и сотни кенийских леопардов заплатились жизнью. Коммерсанты нанимают охотников из местного населения. За несколько монет они истребляют своими ядовитыми стрелами массу животных. На охоте греют руки и контрабандисты. В Эфиопии однажды пограничники задержали грузовик, который вез триста шкур леопардов, незаконно убитых в Кении. В последнее время очень не везет слонам: растут в цене их уши, ноги, хвосты...

Правда, иногда звери, особенно раненые, мстят своим обидчикам. Однажды некий господин Габбара, охотясь, уснул в лесу. Его увидел слон. Вспомнив про торчащую в боку стрелу, он схватил человека и подбросил его на несколько метров.

Конечно, было бы ханжеством лить слезы по каждому льву и слону. Кения — не зоосад. Иногда слоны приносят колоссальный урон крестьянам: вытаптывают посевы, разрушают хижины. Бывают случаи, когда хищники утаскивают детей... Но если не контролировать охотничье хозяйство, если отдать его на откуп туристским конторам, то может исчезнуть одно из самых прекрасных мест на земле. Конечно же, в Кении есть люди,

которые болеют за сохранение животного мира. Но им трудно. Нет средств, чтобы оберегать «дикую жизнь». Нет возможности подготовить кадры егерей, зоотехников, смотрителей. Многие специалисты английского происхождения по разным причинам ушли из национальных парков. А заменить их некем.

...Спустились сумерки. И вот долгожданный слон. Видно, судьба его не жаловала. Одного бивня нет. Хвост то ли обрублен, то ли откушен. Слон медленно прошелся вдоль водоема. Потом оставшимся клыком вспахал борозду, что-то там нашел и хоботом отправил в рот. За слоном выкатились из леса три «бочонка». Два из них — размером с автоцистерну. Носороги. Отец, мать и дитя. Строго соблюдалась семейная иерархия. Остановится отец, и все стоят. Опустит он свои два рога к земле, и сородичи делают то же самое. Ходили носороги медленно, задумчиво. И так же тихо скрылись в чащобе.

На их место в большой круг от прожектора прыгнули антилопы. Сначала прислушались. И не зря. Вдруг тревожно закричали обезьяны. Раздался рев. Это же леопард! Антилопы рванулись в сторону. Из комнаты выскочил полураздетый человек с тремя фотокамерами: «Где? Где он?!» Но леопарда мы так и не видели.

Около полуночи нам посоветовали идти в комнаты, чтобы проснуться в пять утра: «Может, на рассвете больше повезет».

Утром было прохладно, моросил мелкий дождь. И все-таки проснуться стоило! Мы узнали, что такое звуки просыпающейся саванны. Передать их может только магнитофон, ибо нет таких слов, чтобы изобразить кваканье, попискивание, какой-то скрежет, шуршание, всхлипывание неведомой птицы...

Когда мы вернулись в Найроби, нас встретил наш «лев». Вел себя котенок настороженно. Обнюхивая ноги, шипел, поднимал шерсть. Наверное, чувствовал, что люди слишком близко подходили к опасной «дикой жизни». Но ему было неизвестно, что сейчас не «дикая жизнь» угрожает цивилизованной. Напротив, «дикая жизнь» в опасности. А она нужна людям. Иногда очень полезно прикоснуться и к ней, чтобы уметь любить таких вот, как он, домашних «львят».

Я видел в Найроби американский фильм — «Рожденная свободной». Место действия — Кения. Добрые люди

выращивают львенка, и перед нами красивая, молодая львица. Она любит своих хозяев, их дом. И все-таки зов джунглей, саванны пробуждает в ней жажду свободы. Львица уходит, и мы становимся свидетелями трагедии. Выросшее среди людей красивое, сильное животное не готово к свободе. Оно не умеет охотиться. Оно вот-вот погибнет. Люди пытаются исправить свою ошибку. Они находят свою любимицу и учат ее добывать пищу. В финале — львица со львятами, гордая и прекрасная, стоит на скале. Ее густогривый спутник чуть поодаль: он на страже свободы нового потомства.

Уважение к свободе — вот главное содержание фильма. Здесь любовь поставлена во главе жизни. Если бы людьми, которые в свое время пришли в Кению, двигала любовь, а не ненависть, то в стране было бы меньше могил, меньше несчастных, ждущих помощи только от Мвене-Ньяга.

Сто лет спустя

Джордж Каниалубазу из племени буганда живет в Кампале. Ему 26 лет, у него трое детей, работает шофером такси. До этого несколько лет водил автобус туристской компании. Поэтому Джорд знает, что Кампала, как Рим и Лиссабон, лежит на семи холмах и что буквально в двух шагах от столицы проходит экватор. Если у пассажира есть время, парень с удовольствием провезет его мимо длинных рядов индийских лавочек, расположившихся под сплошной крышей; покажет красивые современные здания: многоэтажную гостиницу «Аполло», Национальный театр, представительство автомобильных фирм; подождет, когда вы откликнитесь на его рефрен «Кампала не уступит любому современному городу в Европе» (и это действительно так), и уже потом предложит совершить поездку по стране.

Я попросил угандийца показать мне Джинджу, место, где берет начало Нил.

Нил называли «величайшим географическим секретом». Откуда он берет столько воды? Почему не мелеет, хотя тысячи километров бежит по ужаснейшей из пустынь, не имея ни одного притока? Как объяснить, что Нил разливается в самый сухой период? Загадка рождала страх: а вдруг иссякнет неведомый источник? Что тогда? Долина станет мертвой.

Геродот хотел найти начало реки, император Нерон посылал своих центурионов с той же целью. Безуспешно. В середине первого столетия греческий купец Диоген совершил поход в глубь материка и потом сообщил, что увидел два озера и снежную гору, которые питают Нил. К этим сведениям отъеслись скептически. Так же восприняли английские географы сообщение миссионе-

ра Реомана, который (уже гораздо позднее) описал Килиманджаро и его ледяную корону. И все же это были лишь подступы к разгадке тайны. А открыл ее в 1862 году англичанин Джон Хеннинг Спик. Высокий голубоглазый блондин, с детства готовивший себя к походам, знавший много языков и прекрасно владевший оружием, Спик первым из европейцев уверенно сказал: здесь начинается Белый Нил.

В Кампале я жил в гостинице «Спик». Там же оставились четверо парней из Глазго. Как я потом узнал, они создали «Клуб Спика» и приехали сюда, чтобы пройти его маршрутом.

...Я ждал Джорджа. Было рождество. Напротив, в парке, играл военный оркестр. Прохаживались нарядные кампальцы. А вот и деды-морозы. Борода из ваты, пальто на вате. Они завидуют тем своим коллегам, которые модернизировали наряд. Какая тут вата? В майке и то жарко! Поэтому, кроме бороды, все легкое — красные рейтузы и красные куртки. Новую форму для деда-мороза в тропическом варианте изобрели студенты местного университета Макерере: нарядившись в деды-морозы, они за праздники залатали кое-какие дыры в своем бюджете.

Особенно успешно делал «развлекательный бизнес» парень с обезьяной: она раздавала подарки, играла с ребятишками. За это хозяин прощал ей все. А виновата проказница была во многом: только за вчерашний день она успела утащить кошелек с деньгами, разбить часы, выпустить из зажигалки газ. После раздачи подарков Мак (так звали обезьяну), напившись черного кофе, отдыхал на проволоке, на которой сушат бельё.

Из газет я узнал о призыве генерального инспектора к горожанам в праздники остерегаться воров и не увлекаться алкогольными напитками. Мне хотелось быть в курсе и других советов властей, как вдруг за спиной услышал голос одного из членов «Клуба Спика».

— Так вот, он не отсидел и года, — видно, рассказчик начал историю до прихода на веранду. — Нашлись настоящие адвокаты. Ну скажи, пожалуйста, Пит, разве ты стал бы судить парня за то, что он пересек границу Уганды? Ему всего двадцать шесть лет, и в этот переплет он попал по глупости.

Пит ответил, что не стал бы судить Свинтона и, сла-

ва богу, адвокатъ добились того, что конголезская история...

Если бы не пришел Джордж и не сказал, что пора ехать в Джинджу, то я бы превратился из невольного свидетеля разговора в его участника. Однако путешествие привлекало больше...

Когда мы оказались среди дикой африканской зелени, когда справа и слева замелькали деревушки, кофейные плантации, когда мы перебрали все планы поездки, я спросил Джорджа, неизвестна ли ему история со Свинтоном. Он, как мне показалось, не услышал вопроса и продолжал рассказывать об обычаях Африки. Джордж много знает. Ему приходится возить разных людей. Например, третьего дня в аэропорту Энтебе он посадил человека, который оказался ученым. Несколько месяцев провел на юге Африки. Оттуда он привез такую историю.

В субботу вечером охотник Бото сидел в своей хижине и пил с друзьями пиво. Вдруг появилась жена вождя племени. Она отозвала нескольких мужчин и приказала: «Вы должны убить для меня Бото, потому что я хочу сделать целебный рог, который поможет моему сыну сделать счастливой его жизнь. Тот из вас, кто ослушается, умрет». Двоюродный брат Бото подозвал его. Бото увидел 16 мужчин, жену вождя и двух ее помощниц. «Схватите его!» — услышали приказ. Бото начал кричать: «Отпустите! Отец, неужели ты убьешь меня? Освободи меня, и я отдам тебе своего черного осла!»

Они убили его. Убили. Из тела юноши жена вождя приготовила магический состав и хранила его в специальном роге.

Обычай этот преследуется властями, но он пока не искоренен. И до сих пор следователи не нашли ни одного рога.

Джордж никогда ничего не рассказывал так просто. На этот раз тоже.

— Если люди, которые к нам приезжают, — заключил он, — будут собирать только такие факты, которые уходят в прошлое, то они представят своим соотечественникам Африку в одностороннем, а значит, неверном свете. У нас еще много дикости, варварских обычаев. Но не нужно останавливать внимание только на них. Это — Африка прошлого.

...Впереди выросла гора бананов. Мы остановились. Пока Джордж выбирал самый спелый и вкусный, мы рассматривали жилье продавца бананов. Типичная африканская хижина. Около нее — что-то вроде умывальника, пристройки для кур и коз, в сторонке — кухня. Вокруг хижины — несколько пальм, а от них лучами расходятся полосы с посевами.

«Я считаю, что земля принадлежит огромной семье, многие члены которой мертвы, немногие живут и бесчисленное множество которых еще не родилось» — это высказывание одного вождя привел в своей книге Чонго Мацио, известный ученый-африканист. Я вспомнил об этом, когда на мой вопрос, сколько человек в его семье, продавец приподнял гроздь бананов и сказал: сколько их здесь, столько людей в моей семье. В грозди было не менее 50 бананов.

Очевидно, уклад жизни в угандийской деревне мало чем отличался от описанного Спиком более ста лет назад.

...Вдали показалась Джинджа. Мы свернули направо, миновали тихие улочки, католическую церковь. Слева от нас — самое большое в Африке озеро Виктория. Оно и дает могучую силу великой реке Нил.

Подъехали к обелиску-памятнику Спику. У монумента стояла группа ребяташек. Седой священник-африканец что-то рассказывал. Мы с Джорджем попросили разрешения послушать...

На территории Уганды существовало три королевства. Монархи имели администрацию с четким распределением обязанностей: были министры, адмиралы, хранители бананов, хранители пива... Спику пришлось как следует похлопотать, прежде чем он добился аудиенции у короля Мутесы... Красивый, молодой король был величествен и горд. Поэтому Спик надел свой лучший костюм (он не вынимал его с того самого вечера, когда последний раз перед путешествием был на приеме в лондонском свете), а занзибарцам из свиты выдал по красному одеялу. Однако все приготовления пошли прахом. Хлынул дождь. Церемонию отложили. Но и на другой день король Мутеса принял Слика не сразу. У него была делегация из соседнего королевства. Щепетильный британец рассердился и уехал в свою резиденцию. Но окончательно «хлопнуть дверью» не решился. Поразмы-

слив, что истоки Нила продолжают оставаться тайной, он вернулся. Мутеса смотрел на Спика и молчал. Молчал два часа. Только после обеда состоялась беседа. Спик преподнес подарки, в том числе чугунный стул. В ответ щедрый правитель отправил гостю стадо коров и в знак особой милости прибавил еще несколько дикобразов и крыс.

— Вот так, дети мои,— закончил священник урок.— И еще я скажу вам, что историю Уганды там (и он махнул рукой на север) сравнивали с преступлением, у которого не было свидетелей.

Может быть, на следующем занятии эти ребята узнают, как с 1894 года англичане уже не ждали аудиенции у королей. Наследнику гордого Мутесы они навязали договор о протекторате. То же самое проделали с остальными угандийскими государствами. Когда в 1962 году, после почти столетнего господства, англичане оставили Уганду, девятнадцать процентов ее детей были больны проказой, больницы имели всего одну койку на тысячу больных, семьдесят процентов жителей были абсолютно неграмотны. У этого преступления уже есть свидетели...

Мы осмотрели Джинджу и к концу дня поехали обратно... Показалась столица. Еще миль десять-двенадцать. С озера Виктория несло прохладой.

— Ты спрашивал про Свинтона? — вдруг вспомнил Джордж мой утренний вопрос (значит, он все-таки услышал его).— Знаю я эту историю. Он был наемником в Конго. Сжег целое село у озера. Такое же, в каком живет мой отец на другом берегу. После разгрома наемники разбежались. Свинтон выбрал Уганду. Его судили за... незаконный переход границы. А сейчас отпустили. Уж больно ловки адвокаты — кончали лондонские университеты...

Джордж остановился у отеля «Спик». Совсем стемнело. Зажглась «елка». Здесь роль елки выполняет туя — дерево с нежными, бархатными листьями. Четверо из «Клуба Спика» молча пили молоко (Спик не брал в рот спиртного) и смотрели на улицу. Их кумир — Спик. Их симпатии — на стороне Свинтона.

В Уганде много примеров того, как правительство, прогрессивные силы стараются укрепить единство страны, ликвидировать неграмотность, построить больницы,

ограничить феодалов. Все это дается нелегко. Противодействующие силы оказывают сопротивление. Кто за их спиной? Нет, не только мальчики — поклонники Слика со стаканом молока...

И отрадно сознавать, что это понимают передовые люди страны, понимают и стремятся выработать меры борьбы. Я пришел к такому выводу после посещения университетского колледжа Макерере.

Собираясь к студентам, я подобрал на улице кое-какую литературу. Именно подобрал. Потому что большинство киосков — это квадратный метр тротуара, на котором разложены старые календари, курительные трубки, замки, талисманы из волоса слона — от дурного глаза и наветов, наконец, книги. Журнал «Пенпойнт» я купил на улице Кампала-роуд. Его издают в Макерере, и, как сказал мне продавец (сам студент), журнал отражает настроения учащихся, а возможно, и шире — молодой интеллигенции Уганды.

Несколько красивых зданий Макерере расположено на окраине города. Территория обнесена многокилометровым забором. У ворот контролер тщательно проверяет пропуски. Порядки здесь строгие, ибо они призваны стоять «на страже доброго имени колледжа»: в будни студенту нельзя уходить за забор, в воскресенье велено возвращаться не позднее полуночи, опоздавший должен написать объяснение в штрафной книге.

Так уж ли необходимы эти строгости? Кому захочется уходить отсюда в город? Сочная трава, асфальтированные дорожки, бассейн, библиотека. Жизнь для каждого здесь проста, ибо она расписана, определена, твердо запрограммирована на четыре-пять лет вперед. В Макерере, как сказал профессор Уинброу, правит бог чистой науки. Значит, спокойствие и безмятежность — главное?

Конечно, я не думал, что у студентов колледжа на душе полный штиль. В журнале «Пенпойнт» был опубликован рассказ Ноаха Сентонго «Трагедия студента». Содержание его таково: молодой человек в смятении. Он приходит на берег Муанья и просит: «Река, мне нужен поток... поток силы, честности, идей, философии, логики, искренности, вдохновения, интеллекта, спокойствия». Река начинает бурлить. Волны. Дождь. Оказывается, там, на другом берегу, — рай. Юноше обещано

все, что он хочет, но юноша не умеет плавать. И все же решается. Уцепившись за бревно, он движется к цели. Самое трудное не течение, не ветер, не страх утонуть: самое трудное то, что человеку приходится пробираться через гадость и мерзость: трупы дохлых лягушек и ящериц несет мутный поток. Но вот студент выходит на берег оглушенный, одурманенный. «Рай» отказывается принять его в грязной и изорванной одежде. Нужно купить новую. А денег нет. Деньги, оказывается, в «раю» главное. Люди глухи и бесчувственны к пришельцу, его боли и нуждам. Он ищет работу и не может найти. Что же это за рай, «рай» с безработицей и равнодушием? Кого и зачем он послушал?

Иные настроения я уловил на семинаре для студентов Восточной Африки на тему «Восточноафриканское сотрудничество». Многие (по крайней мере в Кампале) удивились, что такой семинар проведут в стенах храма «чистой науки». Их озадачило, что здесь предполагалось обсудить такие вопросы, как «Роль и будущее высшей школы», «Последствия неокOLONиалистского проникновения и образование», «Роль прессы в развивающемся обществе», «Неоколониализм и наемники». Когда же узнали, что на семинар приглашены представители Международного союза студентов, Всемирной федерации демократической молодежи, представители студентов СССР, Болгарии, Польши, то кое у кого удивление переросло в стремление сорвать семинар.

Реакционная, запятнанная связями с ЦРУ Международная студенческая конференция устроила в Найроби, как говорили вMakerере, «солнечное затмение», а именно срочно созвала в противовес какую-то конференцию, чтобы умалить значение семинара. Из Англии и ФРГ в Кампалу прикатили двое «студентов», которые, вступив в контакт с господином «Икс» (так мне отрекомендовали белокрысого парня, не то стажера, не то аспиранта), сразу же развернули подрывную работу.

Однако семинар состоялся.

Шумом одобрения было встречено выступление студента, который, разоблачая коррупцию определенной категории африканского чиновничества, заявил, что пора кончать с практикой, когда у высших государственных служащих в секретарях ходят англичане или американцы, и закончил свою речь требованием внести в резолю-

цию пункт «бороться за принцип: каждому платить по его труду».

Здесь можно было почувствовать, что молодой африканец ищет идеи, которые помогли бы ему обрести цель и смысл существования. Что его ждет в пути (вспомним «Трагедию студента»)?

Иногда аудитория затихала и настороженно прислушивалась (так было во время речи одного из парламентариев, который в завуалированной форме обосновывал необходимость оппортунизма и оправдывал сдачу на милость неокOLONиализму). Дискуссии проходили бурно, часто поднимался лес рук, у трибуны выстраивалась очередь желающих выступить. Так было, когда студент из Кении стал разбирать идеи «морального перевооружения». Это течение, в основе своей близкое антикоммунистическим, за последнее время привлекло немало молодых африканцев, что вызывает тревогу у людей, близко к сердцу принимающих судьбы своих народов.

С разных сторон подходили выступающие к вопросу о «перевооружении мозгов и духа». Одни считали, что миссионеры, долгое время владевшие умами африканской интеллигенции, сейчас теряют власть: Библия и молитва уже не удовлетворяют человека, которого окружает мир, где воюют партизаны, где бесчинствует расист Смит, где нужно готовить кадры длястроек, выводить нацию из отсталости, судить наемников и т. д. Другие предупреждали, что новая теория призвана подкрепить старый, проверенный империалистами метод создания элиты, оторвать часть интеллигенции от народа.

В настоящее время во многих социальных исследованиях по Африке появился термин «неуправляемый энтузиазм», т. е. энтузиазм, стремление к лучшей жизни, не освещенные философией, логикой, идеями. Кое-кто из интеллигенции — на распутье. Этим пользуются «перевооруженцы». По существу они не изобрели ничего нового, просто-напросто вывезли из США идейку о супермене, который якобы способен избавить народ от невзгод, создать единую, сильную Африку, обеспечить экономический прогресс.

— Все воспитание суперменов, элиты здесь,— обращался к залу очередной оратор,— заключается в том,

что подростков берут из школы, напяливают на них униформу, дают мыло, полотенце, гири...

Студент указывал на примитивизм африканского варианта «морального перевооружения», подчеркивая, что он насаждает реакционные идеи, что в этом заключена большая опасность. «Переворуженцы» заставляют взятых на «воспитание» ребятишек с раннего возраста думать только о своих мускулах, своем благополучии, только о себе. Опасная элита!

Так где же выход? Нет необходимости рассказывать о всех выступлениях на семинаре, но хочется отметить, что его участники приняли резолюции солидарности с Вьетнамом и в поддержку Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Софии, аплодисментами встретили выступления представителей МСС, ВФДМ, студентов СССР.

Мне хотелось бы рассказать еще о речи танзанийца Амоса Вако. Выйдя на трибуну, он, обращаясь к своим сверстникам, задал вопрос:

— Каково то новое общество, которое мы призваны построить?

Наступила тишина. Лица делегатов серьезные.

— Для нас в Африке,— начал оратор,— новое общество рождается путем отрицания. Поэтому надо четко указать на антитезис колониализму, который зиждется на эксплуатации человека человеком. Новое общество — это не что иное, как социалистическое общество.

Удивительно бережно относился он к слову «социализм». Это было особенно приятно, потому что есть в Африке люди, которые рассуждают о социализме для проформы, для того, чтобы прикрыть им свои далеко не социалистические устремления. На семинаре в Макерере говорили о научном социализме, требовали учитывать обстановку, доказывали, что сейчас большинство африканских стран готовы к развитию лишь социалистических тенденций. В то же время участники семинара поставили перед студенчеством задачи первостепенной важности — ликвидацию неграмотности, подготовку национальных кадров и т. д.

Я видел в Кампале студентов с теннисными ракетками, видел парня, которого рассказ «Трагедия студента» вогнал в тоску, видел и Вако с его товарищами. Ими владели разные настроения. Какое из них главное,

наиболее характерное для угандийского и африканского студенчества в целом? Уверен, что это — активный поиск идей и своего места в обществе.

В каком направлении они ведут поиск?

На черной доске аудитории, где проходил семинар, студенты все время что-нибудь писали — объявления, свои предложения, цитаты из философских работ, проект резолюции. Стирала одни, писали другие. В первый день семинара кто-то вывел на доске: «Социализм — миф или реальность? Реальность! Это лозунг развития с целью утверждения справедливости».

До последнего дня семинара, до последней минуты оставалась эта надпись. Утром, наверное, ее увидели студенты, которые пришли в аудиторию на обычную лекцию. Безусловно, не все согласились с этим лозунгом. Не все приняли его. Не у всех он вызвал одинаковую реакцию. Ведь проводники империалистических взглядов не дремлют. Их беспокоит прежде всего то, что определенная часть африканцев тянется к социализму, к познанию других формаций и систем. Это вызывает раздражение у идеологов Запада, и они, учитывая все возможные настроения, усиливают нажим. Под их руководством работают и юные «спиковцы».

Сын рабыни

Далеко за полночь самолет приземлился в Джидде. Этот город для меня — какая-то неизъяснимая тревожная тайна. И хотя в кармане билет, паспорт с визой в Аден, в руках талон транзитного пассажира, я с опаской ступаю на землю Саудовской Аравии, потому что слышался об этих краях много страшных рассказов. Они рисуют картины одну страшнее другой... Забастовали рабочие американской компании «Арамко», и против стачечников бросили войска. Кровь. Бунт подавлен. Ворота конторы «Арамко» увешаны головами зачинщиков — об этом я прочитал в одной английской книге... Говорили, что здесь до сих пор отрубают руку за употребление алкогольных напитков. Даже европейцы не гарантированы от кары, если нарушают обычаи. Здесь шепотом говорят о тайнах гаремов, судьбах наложниц, о законах неписаных, но суровых. Суровых, как пустыня.

Говорят, сейчас гаремов и наложниц меньше. Рабынь нет. Но с полной уверенностью сказать, что их нет, трудно. Случалось, пограничные катера останавливали в Красном море небольшие суда, которые неизвестно зачем вышли из своих неведомых портов. Груза нет, сетей тоже, а восседающий на коврах господин гордо и независимо держит себя с морской полицией. Иногда кивнет кому-то, и вот уже начальник отдает приказ своим молодцам покинуть борт задержанного судна.

...Ночь в Джидде. Медленно тянется время. В такие минуты память подбрасывает для размышлений все новую и новую пищу. Каждый год идут в Мекку со всего мусульманского мира паломники. Такой же вот ночью, помню, въехал я в Дамаск. От окраины города до центра застыла вереница автобусов — это возвращались до-

мой паломники из Турции. Утром около мечети я остановил двух путешественников. Видно было, что они испытывают большую радость: сбылась мечта — они увидели святые места. Потом у пассажиров одного из автобусов я узнал, что их было двадцать человек. Возвращалось семнадцать. А где же трое? «Остались там, в Джидде, Таифе, Мувайхе. У них не хватило денег на обратный путь». Иногда поистратившиеся паломники нанимаются в этих местах на работу. Многие до конца жизни не могут вернуться домой. Умирают, не успев расплатиться с долгами, умирают там, вблизи святых мест и вдали от родины. Были случаи, когда долг оплачивался обещанием отдать в жены самую красивую из дочерей. Здесь это не называют рабством.

...Ночь подходит к концу. Сидит женщина в черном. Рядом, как суровая статуя, как бог, готовый покарать в любую минуту, хозяин. Борода выкрашена охрой в кирпичный цвет. Немигающие глаза. Прохладно. Вот открылся бар. Подходим к стойке, заказываем кофе. Наливает молодой парень. В чертах лица есть что-то неарабское. Мы смотрим друг на друга и молчим. До отлета еще много времени. А тут узнаем, что в Адене туман. Вторая чашка. Взаимные расспросы. Завязывается разговор: у парня сейчас нет работы.

— Кто ваши родители? — я не ждал, что услышу что-нибудь интересное. Но бывает же такое:

— Я сын рабыни.

Оказывается, он наполовину эфиоп. Его мать жила в Аддис-Абебе, потом ее продали сюда в рабство. Это кажется невероятным! Я подозрительно гляжу на парня. Он повторяет:

— Я сын рабыни.

Говорит так же, как говорят: «я сын крестьянина», «сын учительницы, ткачихи...». Когда прощались, он дал мне адрес родственников:

— Если случится, зайдите к дяде. Скажите, что я собираюсь ехать учиться. Только вот не решил куда — в Каирский университет или в Бейрут.

Как же попала сюда, в Джидду, мать юноши? Я читал, что до второй мировой войны в Эфиопии было около полумиллиона невольников. Наверное, это завышенная цифра. Хотя бы потому, что в те времена против работорговли проводилась серьезная кампания и в 1923 году

сам император Хайле Селассие заявил членам Лиги наций, что он покончит с рабством.

Я вспомнил свою остановку в Джидде, когда довелось побывать в Аддис-Абебе.

Эфиопия в переводе означает «Загорелое лицо», а Аддис-Абеба — «Новый цветок».

...На «Загорелое лицо» падали капли дождя, «Новый цветок» съезжился под серыми тучами. Дохлый осел лежал у обочины. Торговые ряды, магазинчики: зонты, брюки-«техасы», бритвы «жиллет», юбки «мини». А вот здание штаб-квартиры Организации африканского единства. Где-то в этом районе жила рабыня. Интересно, о чем думают ее родственники?

Я иду по городу. Воскресенье. Заливается над домами колокольный звон.

Две трети жителей Эфиопии — христиане, остальные — мусульмане или исповедующие местные традиционные верования. Христианство появилось здесь полторы тысячи лет назад.

Навстречу идут нарядные девушки. Каждая из них красавица. Недаром шейхи и султаны стремились заполучить в жены сомалиек или эфиопок. Они были «звездами» гаремов... Подросток чинит велосипед.

— Здесь живет...? — я называю имя.

— Да!

По имени ясно, что хозяин дома мусульманин. Значит, лучше подождать на улице. Выходит человек, приветливо улыбается. Вскоре мы сидим в соседнем кафе, и Махмуд обучает меня игре в нарды (нечто похожее на шашки) и курить кальян. Наука игры в нарды дается легко, а вот с кальяном не получается. Тем более, что своего мундштука нет, а тот, что мне предлагают, побывал, наверное, во рту тысячи людей. Наконец спрашиваю осторожно:

— Так, значит, сестру продали в рабство?

— Да, продали.— В ответе ни раскаяния, ни даже сожаления. Это озадачивает. Махмуд, видимо, решил, что его черед поддержать разговор:

— Значит, племянник в ученые собирается? Да-а-а... И не решил, куда идти. Ну, мы ему напишем. Конечно же, в Аль-Азхар*.

* Древнейшее мусульманское учебное заведение в Каире.

— Плакала сестра, когда ее продавали? — я смотрю на Махмуда.

— Нет, не плакала, — отвечает он и поясняет: — Во-первых, сестра попала в богатую семью. У нее три сына. Они свободны. Во-вторых, у нас больше женщин, чем мужчин. Разве лучше болтаться незамужней, чем стать женой почтенного мусульманина?

Решаюсь затронуть самую деликатную сторону:

— Ведь торговля рабами давно запрещена. Значит, вы нарушили закон?

От спокойствия и следа нет. Махмуд что-то вспомнил. Шрам на его коричневом лице четко окрасился в багрово-розовый цвет.

— Нам тогда нужны были деньги. Правда, мы все равно бы не продали сестру. Как-нибудь перебились бы. Но шейх говорил, что знаком с самим Вальдо Гольеном... А что мы могли сделать?

Вальдо Гольен (справку мне дали в Американском информационном центре) был прислан в Аддис-Абебу американской компанией «Трансуорлд Эрлайнс», которая создала дочернее предприятие «Эфиопиэн эрлайнс». Гольен родился в Дакоте, служил в морской пехоте, потом стал пилотом. Тридцать раз он перелетал Атлантику — по тем временам это было много. И вот ему предложили новую работу — организовать авиалинию. Дела шли успешно. Созданную компанию поддерживали американцы братья Охлиш и Роберт Скотт. Первый был советником министра торговли, а второй — министра финансов.

Однажды император должен был посетить Аксум, старую столицу и священный город. Добраться туда, кроме как по воздуху, было невозможно. Но самолеты туда не ходили. Гольен все-таки решился и полетел сам. Кое-как приземлился. Приказал расчистить, подготовить полосу для посадки самолета Хайле Селассие. Королевский двор выразил свое высочайшее удовлетворение. После этого император часто летал с Гольеном и даже сажался за штурвал. Однажды он заявил:

— Я целиком и полностью доверяю Гольену, более того, я знаю, что бог заботится о нас обоих.

Вот на этого человека и ссылался богатый шейх. И только когда сестра была уже продана и увезена в Джидду, Махмуд заподозрил, что семью обманули.

Махмуд считает, что разговор о судьбе сестры исчерпан. Он просит меня рассказать о Джидде и о том, сколько примерно нужно денег, чтобы добраться до Мекки...

Я уже рассказывал о художнике Афеворке Текле. Глубоко осознанное чувство долга перед людьми, пример просветителей и гуманистов разных эпох укрепляли молодого человека в его решении заняться живописью. В его стране еще есть районы, где сохранились варварские обычаи: умерших детей не хоронят, а привязывают к деревьям; иногда над одиноким путником-мужчиной шаманы совершают варварскую операцию, после которой он обречен на бездетность. Работорговля запрещена. Но вместо нее владельцы ночных клубов вербуют юных эфиопок в свои заведения, и они десятками гибнут там от болезней, унижения, побоев.

В гостиницах Аддис-Абебы живет сейчас меньше шейхов из Саудовской Аравии, в них больше гостей из Соединенных Штатов, ФРГ, Италии. Я видел в Эфиопии денежные знаки, подписанные американцами, которые когда-то были управляющими национальных банков. Я встречал американцев из миссии адвентистов седьмого дня.

— Конечно, идеология работорговцев,— рассуждает А. Текле,— не может иметь успеха. С ней легко бороться. Но не перевелись покупатели человеческих душ. Они опаснее владельцев гаремов. Сын рабыни считает себя свободным. А так ли это?

Я понимал, да и каждый понимает, что хотел сказать молодой эфиопский художник.

В Джидде во второй раз я был уже днем. Вместо ночной прохлады — жара. Вместо одной женщины, закутанной с ног до головы в черное, шесть или семь. Рядом шесть или семь мужчин с немигающими глазами. Эти женщины по официальному положению не рабыни. Так же, как тот паренек за стойкой бара... Он сын рабыни, но не раб. Может быть... Но он ни в чем не обвиняет отца, некогда купившего в Эфиопии красивую девушку.

Два разговора у статуи Хора

Старый гид вдруг замолк, извинившись, присел у огромной ноги статуи. Достав из кармана коробочку, он попросил меня открыть ее.

Я открыл. Там было несколько желтых таблеток. Старик взял одну, положил в рот и закрыл глаза.

Было рано. Туристы еще не нахлынули в музей. И только гулко доносились шаги охраны.

Гид сидел у статуи фараона Рамзеса II. Только что он рассказал историю жизни этого правителя. Рамзес II занимал трон шестьдесят семь лет. Тщеславный, эгоистичный фараон при жизни выстроил себе множество памятников. Когда скульпторы не успевали выполнять приказы своего повелителя, они соскребали с существующих памятников имена царей-предшественников и выписывали: «Рамзес II».

Ахмед знал жизнь Рамзеса II так же хорошо, как свою. Уже тридцать лет он водит туристов по залам Египетского музея. Тридцать лет каждое утро он вступает в конфликт со своими многочисленными коллегами, которые тоже хотят заработать пятьдесят пиастров.

Сейчас Ахмеду тяжелее: все-таки семьдесят пять лет. А в такие годы отбить клиента у молодого конкурента, хорошо говорящего по-английски, — дело трудное. У него морщинистое лицо. Потускневшие глаза. Когда Ахмед показывает золотой саркофаг, или ожерелья, украшенные драгоценными камнями, или колесницу древнего правителя, голос его дрожит от волнения. Но глаза остаются равнодушными. Еще бы! Тридцать лет видеть все это! Глаза уже привыкли. Туриста можно взволновать и голосом. Турист не смотрит в глаза Ахмеду. Он видит чашу, в которой уже тысячелетия хранится

душистое масло. Он видит головку Нефертити, жены Эхнатона, самой красивой женщины на свете.

Иногда за более подробный рассказ о жизни красавицы Ахмеду прибавляли несколько пиастров.

Я не хотел задерживать старика. Но он отказался взять деньги и уйти отдохнуть:

— Я должен вам все-таки показать музей.

— Тогда покажите мне то, что вам самому здесь больше всего нравится, что-нибудь одно, самое для вас дорогое.

— Айва (ладно, мистер),— ответил старик.

Мы миновали саркофаги, стеклянные витрины, где лежат хорошо сохранившиеся сандалии, глиняные плиты — на них фараоны писали свои приказы, прошли мимо позолоченного трона с двумя кобрами, хранительницами жизни повелителя.

— Вот,— сказал Ахмед.— Это то, о чем вы меня просили.

Фигура человека. Застывший шаг вперед. Лицо скорбное. Но какая-то надежда светится в нем. Сжатый кулак. Я прочитал: «Фараон Хор». Он жил более трех тысяч лет назад.

— Статуя — точная копия Хора. Вы видите над головой две поднятые руки, в них, наверное, заложена большая сила. Древние верили, что эти руки должны были вновь схватить душу царя, чтобы оживить его, когда он захочет. Это вера в бессмертие.

Века пережила статуя. Сегодня мимо нее проходят сотни живых людей. А статуя все еще не сделала второго шага.

— И не сделает...

— Да,— соглашается Ахмед.— Хотя кто знает? Ведь и в нашем мире случаются чудеса.

Мы долго стояли перед статуей. Глаза старика прояснились: видимо, приступ прошел. Но вот сзади раздался топот каблучков. Пятеро девушек с блокнотами и фотоаппаратами окружили статую Хора. Гид, паренек лет двадцати пяти, чем-то походил на древнего царя. И, может быть, поэтому девушки попросили его стать рядом со статуей. Старика они вежливо попросили отойти в сторонку.

Вспышки на секунду осветили зал. Наверное, получится хороший снимок — молодой египтянин будет свер-

кать веселой улыбкой. А про Хора заметят: он жил три тысячи лет назад. Говорят, что он верил в бессмертие, в то, что вернет себе душу и снова примется воевать, строить гробницы, готовить царство для своих детей...

Старик стоял в стороне и смотрел, как фотографируют его молодого коллегу. Глаза его снова потухли, и, сгорбившись, он пошел к выходу.

Мне нужно было зайти в дирекцию к доктору Абдаль-Кадер Селиму, первому куратору Египетского музея, чтобы получить разрешение сфотографировать голову Нефертити. А пока мы ждали работника фотолаборатории, доктор говорил о традициях. Он считает, что современные египтяне сохранили кое-что из древних традиций и по сей день. Например, и сейчас родственники умершего устраивают поминки через сорок дней. И это не случайно: ведь во времена фараонов мумификация тела заканчивалась как раз через сорок дней. Вместе с телом в могилу древние опускали еду. И сейчас люди (хотя ислам резко отличается от религии древних), когда идут на кладбище, берут с собой пищу. Только отдают ее не покойнику, а человеку, читающему над могилой Коран.

Еще я спросил о болезнях.

— Хирурги исследуют мумии,— говорил господин куратор.— Они определили, кто из фараонов погиб на войне, кто умер от оспы, кто был отравлен. Ученые установили, что многие заболевания, которые есть сейчас, существовали и тогда. Например, сердечно-сосудистые.

Когда я вышел из оффиса, двор музея был залит солнцем. Торговцы предлагали кольца, браслеты, серьги, за пять минут снижая цену в пять раз. Мимо железной ограды катили автомашины. Старого Ахмеда не было видно. И я попросил другого человека пойти со мной. Я повел его к статуе Хора, попросил рассказать о нем. Молодой гид точь-в-точь повторил историю, рассказанную Ахмедом. С одной лишь разницей. Он сказал:

— Только чудес не бывает...

Сейчас, когда я пишу об этом разговоре, у меня на столе лежит книга французских авторов Лякутюр «Египет в переходный период». Вот как они понимают внутренний мир египтянина: «Ни один народ так не созрел для гордости и так не устал от унижения, как тот, ко-

торый несет бремя прошлой славы... Если что-то и взято из разнообразных видов религии фараонов, то это прежде всего вера: мир представляет собой гармонию, он хорошо устроен, он останется таким же, каким был, а поэтому глупо и преступно пытаться изменить его».

Я привожу эти строки потому, что мне трудно описать душевные переживания Ахмеда, когда он, полузакрыв глаза, смотрел на Хора. Возможно, то, о чем пишут Лякутюры, относится и к Ахмеду, человеку старому, уже не могущему менять ни своих убеждений, ни веры, не способному отказаться от мечты, поддерживавшей его всю жизнь.

В «Горизонте солнца»

Эль-Амарна. Едем туда. Впереди триста километров вверх по Нилу. Дорога узковата. Раннее утро. Роса не успела еще высохнуть. По краям дороги толстые старые деревья. За ними поля. Овцы, караваны верблюдов, повозки с помидорами, индейками заставляют снижать скорость.

Нас везет профессор Хасан Бакри. Человек яркого характера и необычной творческой биографии. Еще студентом занялся социологией. Она привела юношу в мир греческой философии и литературы.

— Потом я увлекся древностью,— не без удовольствия рассказывает профессор.— Решил стать египтологом. Теперь уже до конца дней своих.

Я представляю себе нашего спутника, седого, чуть сгорбившегося старика, в окружении древних папирусов, колесниц, браслетов, плит с письменами, мумий. Как неутомимый путешественник пробирается через заросли, горы и пустыни в поисках рек, так и он идет к своей цели — установить, как повлияла культура древних египтян на греческую социологию, философию и литературу.

— Я хочу знать первоисточник,— полушутя-полусерьезно заканчивает господин Бакри рассказ о своей жизни. Профессор время от времени вынимает блокнот и карандаш. Он коллекционирует надписи, которыми украшают свои доисторические колымаги (преувеличиваю, конечно, но в провинции возраст автомашин исчисляется

по крайней мере тридцатью-сорока годами) таксисты. Такими вот примерно: «Дорога, верни меня домой», «В терпении успех», «До свидания, смугленькая», «Благослови, Аллах, очаг мой».

— Я хочу сравнить эти надписи с теми, что делали древние египтяне на своих колесницах и лодках,— объясняет профессор.

...Ночь. А дорога не становится свободнее, и ехать по-прежнему трудно. Не все возницы зажгли под телегами свои стоп-сигналы — керосиновые светильники, так что нужно быть все время начеку.

Но вот Эль-Минья.

— Эмблема города,— поясняет профессор Бакри,— головка Нефертити. Видите, она на дверях такси, грузовиков.

Значит, мы у границы древнего царства, слава которого живет и поныне.

Эль-Минья, как и все города долины, вытянулся вдоль Нила. Он так ловко разбросал свои здания из красного, выложенного узорами кирпича, окруженные фигурными железными оградами со львами, современные элегантные «коробки», что прелести древней реки подчеркнуты особенно ярко, а мрачноватые кварталы бедняков скрыты. На вокзале, простоявшем, видно, лет шестьдесят, киоск. Такой же старый. И книги здесь старые. Покупаем путеводитель по городу издания 1812 года. Однако сведения в нем интересные. В Эль-Миньи жил Кнуфу — архитектор и строитель великих пирамид под Каиром. Эль-Минья считается Меккой спортсменов, потому что здесь в древности были организованы и прошли первые соревнования борцов, акробатов, бегунов. Это достоверно установлено из рисунков на стенах гробниц. Сейчас Эль-Минья — довольно обычное губернаторство с миллионным населением, в основном занимающимся земледелием. Здесь выращивают сахарный тростник, лук, разводят скот. С окончанием строительства Асуанского гидроузла в Эль-Миньи начнет бурно развиваться промышленность.

Мы заночевали в новом отеле «Нефертити» и утром продолжили путешествие. Сначала заехали в Малауи. Проехать мимо было невозможно, потому что здесь один из интереснейших музеев греко-римского периода (триста лет до нашей эры).

По пути в Эль-Минья — колодцы Эль-Файюма

Первый вопрос, который мы задали работникам музея:

— Почему так много мумий ибисов?

— Ибис поедает вредителей посевов, — разъяснили нам. — Птица чрезвычайно полезная и почитаемая. Древние египтяне считали ее одаренной сверхъестественной мудростью и, видимо, поэтому обожествили. В других местах мумифицировали крокодилов, обезьян, львов, овец, змей. Такое расхождение во вкусах иногда должно было приводить к неприятностям. Например, жители городов, поклонявшихся кошке, видимо, терпеть не могли тех, кто сделал своим божеством собаку.

Легенды и поучительные истории, одна удивительнее другой, звучат под прохладными сводами музея.

...Нас ждал катер. Моторист надел старенькую фуражку, вытер белым платком руки, взялся за штурвал. Пересекли Нил. Затем сели в фургон, и трактор, обдавая все вокруг пылью, потащил нас навстречу пустыне.

Вдали виднелась невысокая каменная гряда, вокруг на бескрайние километры — песок, упругий, исполосованный гусеницами вездеходов. Мы приехали в Эль-Амарну.

Местечко это называется так по имени вождя бедуинов Бени-Амарна, два столетия назад раскинувшего здесь шатры своего лагеря. Ему мешали остатки древнего города Ахетатона, а посему он приказал сровнять город с землей! Вряд ли бедуин был знаком с историей. И вряд ли говорило ему что-нибудь имя Эхнатон (его выбрал себе фараон Аменхотеп IV). А между тем дела этого фараона (он жил в XIV веке до нашей эры) оставили, как известно, заметный след на страницах истории. Для того чтобы укрепить свою власть и ослабить влияние древней знати и жрецов, он ввел новый государственный культ — культ Солнца. Новое, особое божество стало над всеми другими. Старая знать и старое жречество оказали сопротивление, но Эхнатон, опираясь на своих приближенных, в основном средних землевладельцев, заставил противников покориться реформе. Эхнатон построил новый город на восточном берегу Нила (и это тоже было новшеством: раньше фараоны селились только на западном) и назвал его Ахетатон (Горизонт солнца).

Профессор Бакри остановился у ямки (для меня совсем неприметной) и спросил:

— Что вы об этом думаете? Здесь был дворец фараона.

Живая кисть воображения рисовала просторные залы, куда слуги вносят дары земли и добычу успешных походов. Богатырь, взвалив на плечи буйвола, остановился перед поваром владыки. А вот рыбак. То, чем одарил его щедрый Нил, будет подано гостям. Из соседней комнаты доносится песня — это рабыни ублажают Нефертити, жену Эхнатона. «Дама счастья и грации» — эти слова не могли ни измерить, ни передать красоты женщины, имя которой в переводе означает «Прекрасная появилась». Долгое время царица была помощницей и советницей фараона. Но со временем «счастливейшие, прекраснейшие на земле» стали встречаться все реже и реже. Причина разлада, как предполагают египтологи, заключалась в том, что Нефертити не могла родить «Горизонту солнца» сына, который стал бы после Эхнатона его защитником...

Растет новый Асуан

Краски блекнут. Профессор Багри замолчал. Мы снова среди черных развалин. А за ними, километрах в трех-четырех, гробницы. Они вырублены в скалах. И скорее похожи на удобные квартиры, чем на погребальные склепы: просторные, с изящными колоннами в виде лотоса. Ступеньки, переходы. Даже звук не отдается здесь гулкостью, как в пустых нежилых помещениях. Всё из цельного куска камня. Ни цемента, ни соединительных муфт. Строили, повинуюсь какому-то удивительному точному и строгому расчету.

Затарахтел движок переносной электростанции. Вспыхнула лампочка. Мы в гробнице визиря Эйе. Стены и колонны (пятнадцать трехметровых красавиц) покрыты росписью. Буквами для древних служили силуэты людей, птиц, коров. Вот падающая фигура — значит, слово «падать». Женщина с кувшином на голове — глагол «носить». Полусогнутая рука с чашей означает «пить». Цепочка из тонких рисунков — птицы, полукруги,

Гид в Долине царей

извивающиеся черточки, квадраты. Господин Бахри ведет по ней пальцем и переводит. Фраза звучит примерно так: «Надо опасаться, чтобы змея не вышла из своей норы». Краски еще сохранились, они удивляют легкостью, гармоничностью, лаконизмом.

Каждая гробница — картинная галерея. В Долине царей под Луксором это сравнение приходит особенно часто. Вот крутой спуск гробницы Тутанхамона. Идем медленно. Да разве можно быстрее, когда хочется рассмотреть нарисованную на стене длинную кобру? Она уносит тело фараона в другой мир. Рядом фигуры танцовщиц. Очень часто древний художник рисовал кре-

стообразный «ключ жизни». На этот раз богиня дарит его юному царю. Кстати, сейчас мастера золотых дел Хан эль-Халили сотнями чеканят «ключи жизни»: туристы покупают их особенно охотно...

Вся жизнь древних предстает перед нами как бы на экране с застывшим цветным изображением. Невольно вспоминаются легенды. Здесь, в гробницах, особенно ощущаешь их очарование. Летит сокол. В клюве — сандалия купавшейся девушки! Нес, нес ее сокол... да и выронил. Прямо к ногам фараона. Сандалия была настолько изящна, что властелин отправился на поиски ее владелицы. Нашел и женился. Не отсюда ли и сказка о Золушке?

...Наконец мы в помещении, где стоит саркофаг Тутанхамона.

Предание гласит, что, когда у Нефертити не осталось надежд дать царю наследника, решили посадить на престол их зятя Тутанхамона, который вскоре после смерти Эхнатона начал восстанавливать старую религию. Он правил всего девять лет и умер рано. Смерть его загадочна.

Тутанхамона похоронили в Долине царей. Его гробница, пожалуй, единственная, которая не подвергалась ограблению, потому что никто не мог найти секретного входа. Лишь в 1922 году счастье улыбнулось английскому исследователю Говарду Картеру. Он случайно попал на след гробницы и очутился перед удивительным сокровищем. В настоящее время золотая маска, золотые саркофаги, редчайшие украшения хранятся в Египетском музее.

Конечно, фараоны знали, что за гробницами охотятся искатели легкой наживы. Стремясь сохранить и доброе имя и богатство, правители устраивали в усыпальницах ловушки, ложные ходы сообщения. И ни у кого нет уверенности, что, скажем, пирамида Хеопса известна ученым как свои пять пальцев. Многочисленные попытки проникнуть в тайны гробницы фараона оказались тщетными. Поэтому было решено обратиться к мудрости физиков и «раскопать» пирамиды под Каиром космическими лучами. Я хочу рассказать об этом эксперименте подробнее. Его должны были осуществить в июне 1967 года, но из-за агрессии Израиля против арабских стран интереснейшее исследование законсервировали.

Сорок пять веков пирамиды под Каиром восхищали людей, будили воображение.

Пирамида Хеопса имеет несколько ходов. Фараон хотел упокоить свое тело глубоко под землей, чтобы убежать от грабителей. Но почти сразу же после смерти охотники за золотом и драгоценностями раскопали «великую могилу» фараона и унесли сокровища, которые украшали тело усопшего.

Историки утверждают: сын Хеопса — Хефрен знал о том, что могилу отца разграбили. Видимо, поэтому наследник не стал ломать голову над ловушками. Свою пирамиду он построил без них. Комнату захоронения сделал в центре пирамиды. Но, может быть, Хефрен не был таким простаком, и эта пустая сейчас комната с открытым саркофагом все-таки ложная? Вполне допустимо, что есть другие, до которых не сумели добраться ни грабители, ни археологи. Ведь известно, что даже в пирамиде Хеопса было несколько комнат, о которых не знали три тысячи пятьсот лет. На них случайно в IX веке натолкнулся рабочий халифа Мамуна. Не больше ли секретов оставил Хефрен?

Чтобы разрешить эту загадку, сделали попытку исследовать пирамиду с помощью космических лучей. За эксперимент взялись ученые ОАР и США. Я встречался с профессором египетского университета Айн-Шамс доктором эль-Бедеви и молодым американским физиком Ж. Андерсоном, работающим в Калифорнийском университете. Из их рассказов, а также из статей в газетах и журналах вырисовывалась интересная картина.

Идея «копать» пирамиды космическими лучами принадлежит доктору Луису Альваресу, профессору физики Калифорнийского университета в Беркли. Он побывал в Египте. Как у каждого из тысяч людей, ежедневно приезжающих к пирамидам, у него возник вопрос: а все ли известно об этих удивительных сооружениях? Профессор вернулся в Штаты, перечитал массу книг о древнем Египте и в 1965 году предложил египтологам свои услуги — «просветить пирамиды». Но не всякий «нож» радиации способен «разрезать» пирамиду. Он может оказаться либо слишком тупым, либо слишком острым. Рентгеновы лучи, к примеру, бессильны перед пи-

рамидой Хеопса (нынешняя ее высота сто тридцать семь метров), сделанной из 2—3 миллионов блоков каждый весом около 2,5 тонн. Приняв все это во внимание, остановились на космических лучах. Они обладают достаточно большой проникающей силой. Их энергию можно обнаружить в глубоких шахтах. Космические лучи состоят из частиц, которые движутся со скоростью света. Попадая в твердую среду, в зависимости от ее плотности, частицы могут либо замедлить свой полет, либо изменить направление (одна из серьезных трудностей для будущего эксперимента). Итак, лучи, падающие на пирамиду равномерным потоком, пронизывают ее в разных направлениях. При этом ученые исходили из того, что на пути этих лучей — абсолютно твердая среда. Если же лучи с какого-нибудь направления пройдут более интенсивно, то можно сделать вывод: на пути этих частиц оказалось пустое пространство. Не та ли это самая комната, которая до сих пор была неизвестна египтологам!?

Эксперимент хотели начать с пирамиды Хефрена. Дело в том, что комната, где находится саркофаг фараона, расположена в центре основания пирамиды. Она достаточно просторна. Не завалена обломками от раскопок. Если бы опыт увенчался успехом, тогда ученые смогли бы «раскопать» таким же образом пирамиду Хеопса и некоторые другие.

Я был в усыпальнице Хефрена, когда оборудование уже устанавливалось. Профессор эль-Бедиви сказал, что эксперимент скоро начнется. Он был рассчитан на срок от одного до трех месяцев.

Я спросил инженера Андерсона, надеется ли он на успех.

— Археологи довольно скептически относятся к нашей работе. Но мы, физики, настроены более оптимистично, — ответил ученый. — Если мы найдем комнату, это, конечно, будет потрясающий успех. Если не найдем, тоже успех. Тогда мы уже уверенно скажем, что Хефрен действительно махнул рукой на попытку обмануть своих врагов, охотников за сокровищами, и не стал прятаться. Правда, для того чтобы доказать правильность эксперимента, придется повторить его на другой пирамиде.

Пока что эксперимент не проведен. Но идея не сда-

на в архив, и египтологи полны надежд: рано или поздно фараоны должны выставить свои секреты на «космический» свет.

...Из гробниц Долины царей мы шли вечером. Линии остатков дворцов фараона сливались с потемневшим песком. Кто-то сказал, что гробницы строили прочнее, чем дворцы.

— Потому что люди верили в бессмертие,— отозвался профессор Бакри.— На дворец они смотрели как на временное пристанище, промежуточную станцию в полете между мирами. А гробницу строили навечно, чувствуя, видимо, что не так-то просто снова вернуться под лучи солнца. Люди тогда не боялись смерти. А мумификация помогала им поддерживать веру, которой они жили.

Фургон двинулся. Но не к переправе. Скоро профессор Бакри показывал нам стелы, каждая из которых благодаря росписи могла бы стать великолепным украшением любого музея. Очерчивая владения Эхнатона, стелы играли роль пограничных столбов. Сейчас это ориентиры трем сторожам, высоким, с огромными ручищами, обветренными лицами и добрыми глазами.

В гробницах мы видели белые, зияющие борозды. Хасан Осман, один из сторожей, объяснил:

— Воруют стены. Есть туристы, которые приезжают чуть ли не с отбойными молотками. Нужно охранять.

Осману тридцать лет. У него уже семеро детей. Крепкий, сильный мужчина. Ему предлагали работу на катере — и легче и заработок больше. Но и дед и отец охраняли гробницы. А теперь вот Осман.

— Я никуда не уеду,— говорит он.

(Кстати, туристы предлагают сторожам деньги. Но они никогда и ни у кого денег не берут.)

...Пока мы умывались и пили чай в маленькой кофейне близ пристани, Осман сходил на соседние плантации и принес связку сахарного тростника. Рядом играла его дочь. Она рисовала на песке солнце. Лучи у него были разные. В зависимости от того, кто где сидел. Самый короткий был у Сохейр, юной жительницы города «Горизонт солнца», границы и сокровища которого охраняет ее отец — Осман.

От Замалека до пирамид

До того как выстрелит пушка

Я жил на Замалеке в Гезире. Так называется остров, омываемый со всех сторон Нилом. Это самое зеленое место в Каире, самое прохладное. И самое тихое. Здесь расположился спортивный клуб «Гезира», где днем мамы и бабушки гуляют с детьми, туристы загорают на январском солнце, а пожилые мужчины, которым холодно даже в тридцатиградусную жару, пьют пиво. Вечером в Гезире проходят футбольные матчи, и тогда далеко раздается торжествующий или удрученный крик болельщиков. По Замалеку раскатывают черные лимузины с сосредоточенными пассажирами — это район посольств, миссий, резиденций послов и оффисов иностранных корреспондентов. Даже названия улиц здесь написаны на двух языках — арабском и английском.

Я выхожу вечером из дома. У подъезда стоит лощадь. Целый день она развозит газовые баллоны: в Каире еще нет газопровода, так же как и центрального отопления, поэтому зимой по ночам довольно прохладно — температура опускается до восьми-девяти градусов тепла. Прямо передо мной небольшая лавочка — таких в Каире тысячи. Здесь можно купить сигареты, жевательную резинку, самописку или путеводитель по городу. Покупать и продавать что-нибудь в таких лавочках одно время было нелегко: продавцы могли не дать сдачи. И не потому, что они хотели нажить на клиенте лишнее, а потому, что в городе не хватало мелкой разменной монеты. Начали расплачиваться почтовыми марками. Но вот газеты сообщили, что министерство финансов выпустило в обращение большое количество монет достоинством в пять и десять мелимов, и проблема мелочи была решена.

Рядом с лавочкой — настоящий птичник. Старик расставил веером клетки, в которых поют, чирикают и даже, кажется, разговаривают множество попугаев самых разных размеров. Не хочешь обзавестись попугаем — можешь купить дюжину цыплят.

Стрелки приближаются к пяти. Развозчик круглых лепешек и булочек прислоняет свой велосипед к стене. Владелец магазина вешает замок. Таксист не соглашает-

Улица Замалека

ся везти даже на аэродром. Трое молодых людей поспешно жмут руку и, не окончив беседы, расходятся. Вот-вот грянет артиллерийский выстрел, и весь Каир, точнее, весь мусульманский Каир, начнет есть. В дни рамадана верующий не должен принимать пищи от восхода солнца до заката. Даже сглотнуть слюну — грех. Но как это ни трудно, он все же должен работать.

Говорят, что рамадан приносит пользу телу: оздоравливаются желудок и дух. Богатые, например, становятся добрее к бедным, потому что остро чувствуют, что такое голод. Я спрашивал знакомых арабов, не наносит ли такой пост ущерб производству. Они утверждали, что нет.

Но вот прошло полчаса с того момента, когда выстрелила пушка. Город оживает. Рядом с кафе люди устраиваются играть в шашки; часто эти шашки сделаны из

Каир ранним утром

пробок от бутылок. У одного — пробки от кока-колы, у партнера — от пепси-колы. С удовольствием раскуривают первую за день сигарету или кальян. Молодые собираются у витрин магазинов или автомашин — они подпевают радиоприемникам, пританцовывают, смеются. Начинает работу продавец цветов, а владелец мясной лавки сейчас не чувствует себя виноватым: попробуй весь день простоять у огромных бараньих туш, которые невольно будоражат аппетит прохожих.

Самые занятые полицейские

Если гулять по Каиру, то улицы помимо вашей воли выведут вас на берег Нила, а потом к центру. Замалек связан с центром двумя мостами. Из тысячи ста полицейских Каира тем, кто стоит у моста, работы

больше всех. Каждый водитель, сообразуясь со своими собственными правилами, пытается быстрее проскочить через Нил. И беда, если вдруг посередине моста заартачится верблюд или ослик. Тогда пробка! И рассосется она не скоро — ни гудки десятков автомашин, ни сердитые выкрики шоферов тут не помогают. Королями транспорта здесь чувствуют себя только автобусы. Увешанные (особенно в часы «пик») пассажирами, наклоненные непомерным грузом на правый бок, они мчатся на огромной скорости. Их побаиваются даже дерзкие, отчаянно смелые таксисты.

Но вот мост позади. Справа — темная с отсветами огней река, по ней медленно идут баржи и речные пароходы. Слева — набережная, на ней — бывший дворец египетского паши. Но набережная Нила знаменита не только этим. Здесь расположено новое великолепное здание радио и телевидения. В новых стенах и программа изменяется. Ведь до недавнего времени голубой экран чуть ли не целиком оккупировали ковбои и голливудские красавицы, дюжинами отправлявшие на тот свет своих вышедших из милости фаворитов. Недалеко от резиденции коротковолновых передатчиков расположена серая громадина здания Арабского социалистического союза.

Когда витрины гипнотизируют

Если повернуть налево от здания Арабского социалистического союза и пройти мимо Египетского музея, который отдыхает в полной темноте, то попадешь в центр города. Не верится, что когда-то в Каире был грандиозный пожар — 26 января 1952 года загорелась бензинная станция. Пожар охватил близлежащие улицы. Это был стихийный протест каирцев против короля Фарука, против нищеты, бесправия и засилья чужеземцев. Сейчас нет никаких следов пожара. Только полыхают рекламы — они здесь красивее, чем в любом городе Европы, потому что неон заключен в причудливые формы арабской вязи.

Ореол реклам придает несказанное очарование центральным улицам — 26-е июля и Талаат Харб. Хочется зайти в магазинчики, где продаются платья и костюмы

самой последней моды. Хочется выпить чашку кофе в чистеньких и маленьких — всего с тремя столиками — кафе. Соблазнов много — ночные клубы, кинотеатры (их в Каире около сотни), рестораны с арабской, индийской, китайской и европейской кухней. Вот прямо на улице на огромном вертеле вращается туша. Она дымится, источает удивительный аромат — тут же наготове с огромным ножом стоит повар, и, будьте уверены, он отрежет самый вкусный кусок.

Витрины магазинов, кафе, авиакомпаний обладают чудовищной силой: они заставляют не замечать, что происходит вокруг. Мальчишка бежит со щетками и предлагает довести до блеска ботинки. А владелец ботинок вперился в позолоченный спальный гарнитур, который наверняка стоял в каком-нибудь дворце. Разносчик газет пытается остановить внимание прохожих, сообщая: «В Гане переворот... США решили прекратить поставки ОАР пшеницы...» А человек, не могущий дня прожить без политики, здесь, в центре, среди мира огней, изучает кофейный сервиз из кованого серебра. Он не замечает и ребятишек, которые собирают окурки или просят бакшиш.

Я прочитал брошюру «Статистическое исследование детского бродяжничества». В ней говорится: «Мы уже установили, что малолетние преступники, обвиненные в бродяжничестве, в большинстве случаев собираются в районах, расположенных в центре Каира. Это, может быть, объясняется тем, что центр Каира является самым богатым, наиболее привлекательным и наиболее людным местом, где расположены магазины, увеселительные места, кафе, бары и т. д.»

Там, где не так много света

Прийти в себя от блеска и красоты можно только в конце улицы Талаат Харб. С древнего минарета раздаётся успокаивающий, печальный голос муэдзина. Микрофон возносит молитву над площадью. Напротив — здание оперы, где впервые была поставлена «Аида». За театром начинается старая часть города. И там уже не так много света. Правда, старожилы говорят, что несколько лет назад в Каире произошло перераспреде-

ние света. Центр вынужден был передать часть своего блеска другим районам города. И от этого он якобы стал менее элегантным. Я бы этого не сказал. А что касается окраин, то это особый разговор.

Окраина строится. И это очень важно. Арабы с гордостью показывали мне районы Гелиополиса, где много больших домов для рабочих, служащих, интеллигенции. Дома окружены просторными газонами, магазинами, детскими площадками. А самое главное — они дешевы. Благоустраиваются старые районы. Как-то я прочитал объявление в газете о том, что продается тюрьма. Вот так штука! Кто же купит ее? Оказывается, городские власти постановили уничтожить тюрьму. Она портила вид, мешала работам по реконструкции района. Тюрьму решили разрушить, а железные решетки, камень, кирпич продать строительным компаниям. Говорят, что торговля шла успешно.

Насколько важны работы по благоустройству города, можно понять, только побывав в старых кварталах. Ширина улиц там не больше двух метров. По ним трудно проехать. Улицы служат продолжением жилья. Здесь торгуют, разжигают костры, когда ночи особенно холодны, едят. Парикмахеры стригут и бреют, прислонив зеркальце к стене. Тут же повозка, с которой с грохотом разгружаются железные трубы. Конечно, такие улицы доживают свой век. Они будут изменены, расширены и благоустроены.

Но мне хочется, чтобы остался Хан эль-Халили. Он тоже узок, неудобен, мрачноват и грязноват. Но Хан эль-Халили — это музей. Это что-то совершенно невероятное. Здесь рядами локтем к локтю сидят золотых и ювелирных дел мастера. Они гранят алмазы, удивительной чеканкой разрисовывают серебряные кувшины, создают такие браслеты и ожерелья, которые зачаровывают женщин. Если исследовать методы работы ремесленников, украшавших могилы фараонов, то нужно идти в Хан эль-Халили. Положи в Египетский музей любое колечко, любую тарелку, сделанную даже пятнадцатилетним мастером из Хан эль-Халили, — и их не отличишь от оригиналов, собранных во время раскопок. В этот район Каира можно ходить сто раз, можно провести там тысячи часов — и никогда не устанешь. Столь удивительная, потрясающая красота создается в этих почернев-

ших, тесных, старых мастерских с наковаленками и молоточками, которые издают серебряный, тонкий звон, выковывая настоящие произведения искусства.

...Наконец, пирамиды. К ним лучше всего ездить ночью. Днем толпы гидов предлагают забраться на верблюда или лошадь, чтобы почувствовать себя покорителем пустынь и сфотографироваться. Продавцы пепси-колы (их нельзя винить за это) уговаривают освежиться. Ночью лучше. Громады пирамид под яркими южными звездами навевают мысли о вечности, величии человека, бесконечности его деяний. А там, вдалеке, сверкает огнями Каир. Город — основанный в 969 году. Город, в котором шестьсот мусульманских памятников, три крупнейших университета, город, где производятся цемент и духи, кирпичи и ткацкие станки, украшения и машины. Город, где живет около пяти миллионов человек. Утром эти пять миллионов берутся за дело. У каждого свое. Таким я увидел Каир в первые месяцы своего пребывания. Это было до израильской агрессии 1967 года.

Конечно, война изменила его облик. Появились у подъездов кирпичные стены против взрывной волны. У мостов стали часовые. На улицах — много военных машин. Суровые плакаты, тревожные крики разносчиков газет напоминают: фронт рядом, всего в двух часах езды. И света на улицах стало гораздо меньше. Каир, правда, остался Каиром. Но посуровели его люди. Стали более озабоченными. Агрессия продолжается. Поэтому тревога не ушла из города. Но он не потерял оптимизма и веры в торжество справедливости.

Брильянт в медной оправе

О Бейруте говорят разное. Одних поражают его богатство, роскошь и европейский лоск, других подавляют социальные контрасты «брильянта в медной оправе» (еще и так называют этот «арабский Париж»). Третьи рассказывали увлекательно страшные истории об авантюристах и политических проходимцах, которых там, как они утверждали, хоть отбавляй.

И вот Бейрут. Пасмурно. Вдали горы с белыми снежными вершинами. Шуршит море. Шуршат шинами лимузины — такое впечатление, что неподалеку заводы Форда, Опеля, Фиата, и они ежеминутно выпускают на улицу свою разноцветную лакированную продукцию. Вот полоса отелей — высоких, с большими сверкающими окнами. Швейцары перед дверьми выглядят немного уставшими министрами.

Центр Бейрута — улица Хамра, хотя путеводители говорят, что сердце города — это площадь Мортир. Но мне кажется, старая брусчатая площадь уступила дорогу новым магазинам, кинотеатрам, кафе и клубам, цвет которых собран на Хамре. Не стану описывать ее. Замечу только, что улица похожа на лондонский Стрэнд, парижский бульвар Капуцинов, есть что-то и от Бродвея.

Журналист, который показывал мне город, говорил: «Я прожил в Бейруте уже много лет. И все-таки постоянно испытываю чувство гостя, чувство, что завтра я куда-то уеду. Даже квартира мне кажется гостиницей. Всё или почти всё в этом городе настроено на обслуживание гостей, приезжих. Даже пресса чаще всего живет не своими домашними делами, а событиями за рубежом».

Откуда берется денежный прилив?

Особенно тянет приезжих в «Казино дю Либан». Это на двадцать четвертом километре от Бейрута. Место, которое даже сверхбережливые люди и командировочные отцы больших семейств (при средних доходах) считают своим долгом посетить. Для сверхбережливых и отцов семейств устроены железные автоматы. Тут можно попытаться удачу, рискуя всего лишь одной лирой (стоимость полкурицы в городской закуской). Для богачей — рулетка и карточные столы. Никогда я не видел такой массовой игры в деньги. Сотни людей в огромном зале трясли кошельки (проиграл!) или уминали их (выиграл!).

Мне говорили, что в Ливане много богатых людей. Их здесь «на квадратный километр» больше, чем в любой стране. Откуда такой урожай на толстосумов? Ведь промышленность развита слабо. Сельское хозяйство — лучше: Ливан поставляет на внешний рынок цитрусовые, яблоки, бананы, сахарный тростник, маслины. Вывозят еще сосну, дуб. Но как бы обильна и разнообразна ни была сельскохозяйственная продукция, она не может обеспечить денежный прилив, в котором купается ливанская капиталистическая знать. Гораздо больше денег приносит туризм, а львиную долю — торговля и финансовые операции.

Еще в VI веке Бейрут превратился в мировой центр торговли шелком. Репутацию удобной и выгодной международной лавки столица Ливана сохранила по сей день. Самые разнообразные грузы — от духов до бульдозеров — идут из Европы через порты Ливана в Сирию, Иорданию, Ирак, Иран и дальше. Только за 1962 год через Бейрутский порт прошли товары общим весом 1 миллион 633 тысячи тонн. Продавцы и покупатели платят комиссионные сборы, пошлины, платят за разные услуги, посредничество, хранение и т. д.

Но самые большие дела делаются все же в банках. В начале 1962 года в Ливане было пятьдесят восемь банков (из них семнадцать — отделения иностранных банков). Конечно, цифры эти уже устарели. Рухнул, например, «Интрабанк». Об этом писали наши газеты. Хотелось бы только привести некоторые дополнительные подробности.

Около двадцати лет назад в одной из меняльных лавочек (а их в Бейруте великое множество, и там можно купить и продать любую валюту), в темной и грязноватой комнате на четвертом этаже начал дело Юсеф Бейдас, сын школьного учителя из Иерусалима. Ему везло. Ум, хитрость и ловкость приносили удачу за удачей. Четыре тысячи долларов превратились в миллионы. В 1951 году Бейдас открыл новый банк «Интра». В период своего могущества банк контролировал тридцать пять компаний, на предприятиях которых работали сорок пять тысяч человек. Однажды господин Бейдас сказал: «Деньги — самый великий в мире трус». В этом он убедился, когда «Интра» рухнула. Деньги дезертировали из сейфов Бейдаса в подвалы американских «Бэнк оф Америка», «Чейз Манхэттен Бэнк», «Ферст Нэйшнл Сити Бэнк». Они повергли «Интру» и добились ее. Исчез один банк. Тут же возник другой, чисто американский «Трансориент» — дочернее финансовое предприятие вашингтонского Международного банка. Иностранный капитал уже не довольствуется тем, что имеет доли и акции в национальных ливанских банках. Он стремится к экономическому диктату, стремится полностью подчинить хозяйство Ливана. При таких обстоятельствах поневоле почувствуешь себя гостем даже у себя в стране.

Огромная масса иностранных туристов, конечно же, создает атмосферу временности, непостоянства. Купцы из-за рубежа торгуют на ливанской земле не ливанским товаром и чаще всего не для ливанцев. Наконец, иностранные банки. Они заботятся прежде всего о своих интересах. Да и местные финансисты настолько «интернационализировались», что их мысли чаще заняты нью-йоркской биржей, чем домашними делами.

В Ливан, разумеется не для простых ливанцев, плывут деньги (на хранение, развлечения, дальнейшие капиталовложения в других странах) из карманов шейхов, феодальной знати, нуворишей Кувейта, Саудовской Аравии, княжеств Персидского залива. Карманы же эти наполняют нефтяные компании за право эксплуатировать природные богатства. Кроме того, после революций в Египте, Ираке, Сирии из этих стран в Бейрут перебрались с немалыми деньгами многие крупные капиталисты.

Вот почему Ливан имеет так много денег и так много богачей. Я видел их за игрой в рулетку и за карточными столами. Но эти деньги принадлежат не ливанцам. И швырялись ими не ливанцы. Вот одно из впечатлений, которые я увез из Бейрута, города, где многие жители чувствуют себя гостями: одни потому, что бросили родину, другие потому, что их отлучили от родины.

Не гостем единым

В припортовых кварталах Бейрута я зашел перекусить в кафе. Меня встретил парень в серых, запачканных краской брюках. Ботинки на босу ногу. Сначала он, видимо, не решался предложить столик. Кафе ремонтировали. Старик в белой куртке официанта вбивал гвозди. Оглянувшись, он встал, отдал молоток парню и пригласил: «Пожалуйста, вот сюда». Принес синюю в мелкую клетку скатерть. Потом подвел меня к холодильнику, вынул рыбу:

— Эта, пожалуй, подходящая. Зажарить? Десять минут.

Получив согласие, он отдал рыбу парню и взял молоток.

Кафе мостиком выдается в море. Дощатый покаты́й пол. Половицы сделаны из ящиков. На одной из них прочитал: «Made in Trinidad» — «Изготовлено в Тринидаде». На другой осталось только одно английское слово — ARMY — «Армия».

Слева — старый синий холодильник-витрина. Пустой. Напротив — огромное в раме с завитушками зеркало. Вещь антикварная. Только ее уже не купят. Порыжело стекло, облезла краска. На стене реклама фотоаппарата фирмы «Кодак» — «Инстматик-500» (таких уже не делают лет двадцать) и три портрета блондинки. На первом она взводит фотоаппарат, на другом подносит его к глазу, на третьем щелкает затвором. Если бы девушка была живая, то она сфотографировала бы кусок кирпичной сваи, на которой держится кафе, угол облезлого серого дома, сохнувшие на веревке парусиновые брюки и картуз, яхту в море.

Пришли две кошки и уселись рядом со столиками. Видно, знают время обеда. И действительно. Мужчина,

ловивший прямо из кафе рыбу, отцепил наживку и заказал стаканчик арака — анисовой водки, которую смешивают с водой, и она от этого становится белой, как молоко. Женщина с девочкой — от свежего ветра они кутаются в пальто — взяли кока-колу. Вот принесли и мою рыбу. А к ней лимон, луковицу, салат и лепешки. Парень, который меня встречал, сел поодаль. Попробовал ногой дощечку пола, она скрипнула. Потом откинул голову на плечо и задремал.

Сейчас здесь я иностранец. Гость. Меня встретили приветливо. Я был тронут тем, что парень, помощник официанта, заснул. Старик, забив последний гвоздь, положил молоток на мой стол. От этого повеяло чем-то домашним.

Не все в Бейруте живут интересами и прихотями иностранцев. И когда я прочитал в газетах о том, что впервые за много лет ливанское правительство не разрешило 6-му американскому флоту зайти в ливанские воды, когда из Ливана приходят вести о стачках на фабриках, о выступлениях студентов против ЦРУ, о митингах в поддержку Сирии и ОАР во время кризиса на Ближнем Востоке, я вспоминаю портовый район Бейрута, кафе, куда приходят рабочие люди. Здесь они чувствуют себя хозяевами. Другая, праздная жизнь останавливается у границы портовых и рабочих кварталов.

В стране без султанов и наместников

Что такое Хадрамаут?

Аден. Декабрь 1967 года. Только что ушли англичане. После почти полутора столетнего господства. Ушли навсегда. Я смотрю на город сверху, с одной из скал. Вокруг море. Цистерны с горючим. Порт. Заборы... Заборы... Они колючей проволокой опоясали город. Велик был страх у оккупантов. Поэтому расставляли они посты на крышах. Хватали каждого подозрительного.

Я смотрю на город...

Последний солдат ушел днем. Высокий рыжий парень. Он оглядывался. Кому-то махнул рукой. Кому — неизвестно. Внизу, поодаль, стояла толпа суровых людей. Многие с оружием. Они и их отцы почти полтора столетия ждали минуты, когда уйдет последний захватчик. Он ушел. Свобода! Провозгласили республику. В те дни я передавал из Адена в Москву корреспонденции о ликующем городе, о надеждах людей, о радости, о флагах свободы.

Потом наступили будни молодого государства. Часто трудные, тревожные, сопровождаемые борьбой, разочарованиями, новыми надеждами.

В аэропорту меня предупредили: «Оружие и боеприпасы сдать командиру корабля». Мы, журналисты, летевшие из Адена в Хадрамаут, с опаской глядели на двух рослых парней, опоясанных патронташами. Зажглась надпись: «Пристегните привязные ремни». Парни выполнили это указание не сразу. Сначала они отстегнули патронташи, снесли их в кабину пилота, а винтовки устроили в проходе между креслами. Мы уже привыкли к тому, что на юге Аравии почти все с оружием. Даже дети умеют обращаться с ним. Долгие годы винтовка была другом и надеждой людей. Она не сделала их ни

жестокими, ни кровожадными. Наоборот, винтовка стала символом утверждения доброты и справедливости. Поэтому с ней расстаются нелегко.

Небольшого роста шуплый человек — это один из патриотических деятелей Хадрамаута — Фейсал Али Атас. Ему не очень удобно сидеть: мешают обои, поэтому он встал, чтобы ответить на вопросы журналистов, которых одолевало любопытство и желание узнать все сразу.

— Что такое Хадрамаут?

— Территория Народной Республики Южного Йемена расположена вдоль северной части Аденского залива, — начал Фейсал Али Атас. — Около трехсот километров в глубь полуострова, граничит с Саудовской Аравией. Правда, границы до сих пор не зафиксированы на картах, и поэтому вооруженные столкновения довольно часты. Две тысячи метров над уровнем моря. Те, кто сидел у окошек, посмотрели вниз: горы — светло-коричневые бруски с плоскими вершинами. Хоть в футбол играй. Сотни таких «стадионов».

— Чем занимается население Хадрамаута?

— Это житница юга Аравии. Здесь довольно развитое сельское хозяйство. Мы сеем пшеницу, собираем большие урожаи моркови, капусты, люцерны, цитрусовых.

— Значит, жизненный уровень высокий? — приготовился записывать французский журналист.

— Такого вывода делать не стоит, — мягко возразил Фейсал. — Ведь почти семьдесят процентов земли принадлежало султанам.

— Сколько же их было здесь?

— Три.

— А почему сместили султанов? — спрашивал теперь уже американец.

— Свобода нам дороже всего, кроме того...

Но журналист из США перебил:

— А кто-нибудь хотел, чтобы султан остался?

— Никто не хотел.

— Даже его охрана?

— Даже охрана...

— Даже купцы?

— И они. Султан не мог обеспечить порядка, необходимого для бизнеса.

Пять лет назад студенты Лондонского университетского колледжа пригласили меня в «паб». Это обыкновенная пивная, недорогая, уютная, подходящая и для политических споров. То, что нам кроме пива «приготовили» серьезный разговор, было ясно хотя бы потому, что за стойкой мы увидели еще человек восемь студентов. Из разных стран — Канады, США, Японии. Среди них был и небольшого роста молодой араб. Прекрасно одет, с бриллиантом в галстук и запонках. «Сын арабийского султана, — шепнули мне. — Очень толковый парень».

Я уже не помню, о чем был спор. Он возник почти сразу же. Кажется, говорили о системе «свободного предпринимательства».

Сказал речь и сын султана. Очень складную. Наизусть цитировал Росту, Баннинга... Но мне почему-то запомнилось только одно: «Вы знаете, а у него, говорят, дома уже две жены. Им по Корану полагается четыре. Говорят, там и гаремы и наложницы...»

Раньше мне казалось — ничто не может поразить человека больше, чем те места, где был Миклухо-Маклай. До сих пор я помню берег «Сэнд энд Сан» («Песок и Солнце») Западного Ириана, его буйную растительность, его жителей. Но, оказывается, не только сочная зелень может очаровать человека, не только водопад, низвергающийся откуда-то из чащобы джунглей. Такой же впечатляющей силой обладают гигантское нагромождение скал, высохшие столетия назад долины рек, которые сохранили свои ложа и уберегли их от песчаных метелей.

Мы ехали в город Мукаллу. Сначала по плотному и влажному песку океанского отлива. Два «джипа» своими спидометрами как бы убеждали, что для них не заказаны высокие скорости. Мы попросили сопровождающих двигаться медленнее. Просьбу выполнили неохотно. И только потом мы узнали, что водители отнюдь не были безумными лихачами. Самолет опоздал, потом мы задержались еще у рыбаков. А проехать в Мукаллу по берегу можно было только до начала прилива. Потому и торопились.

Вот-вот должен был начаться прилив, и если бы мы не успели проскочить эту часть дороги, пришлось бы заночевать на берегу Аденского залива. Поэтому-то во-

дители изо всей силы и нажимали на акселератор своими босыми ногами. Мы проскочили. Отъехав от моря, очутились среди гор, суровых и величественных; такие, наверное, были бы самыми подходящими для хранения хрустальных гробов со спящими красавицами.

И вот Мукалла. Она оставляет впечатление полукруга. Овальные рамы окон, овальные крыши белых домов, решетки из полукругов. Мечеть с полумесяцем. И вся эта цепь, розоватая от заходящего солнца, изогнулась вдоль бухты.

...Рано утром мы вышли из крохотной гостиницы. На улицах оживленно. Магазины раскрыли свои двери. Запах жареного мяса: в магазинах не только торгуют, здесь вам могут приготовить отличный шашлык. Остановилась группа ребятишек, идут в школу. Я попросил одного показать мне портфель. Он снял его с головы, открыл. Вот учебник по географии. Я увидел на карте Москву. Ищу Иркутск — нет. Владивосток — тоже нет. Видимо, старый учебник. Аккуратные, с ровными линейками тетради. Вижу, в портфеле еще одна книга. Вдруг кто-то сильно схватил меня за плечо. Здоровый парень. Держит за плечо, а сам улыбается: «Друг, если вы возьмете в руки эту книгу, у вас будут неприятности. Это Коран. Иноверцам нельзя его трогать».

Пальцы разжались. Мы познакомились. Человек, спасший меня от неприятностей, оказался руководителем молодежной организации Мукаллы. Меня поразили его знания. Он живет на куске земли, куда не проложены еще даже шоссейные дороги. Отрезан от всего мира. Отгорожен с севера племенами реакционных шейхов. И вдруг спрашивает о предстоящем кинофестивале в Москве и о том, как послать делегацию Хадрамаута на IX Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Софии.

У Мукаллы в Хадрамауте есть соперники и соперницы. Жители Тарима украсили свой городок мечетью и законно гордятся ею. Тонкая устремленная вверх стрела минарета. Птицы летают ниже верхушки. Кажется, что сделана мечеть из сахара. На самом деле — из обыкновенной земли, которую на многолюдной базарной площади размалывают в густую пыль, а под дождем она превращается в грязь. Построил мечеть человек, никогда не учившийся ни архитектурному делу, ни наукам

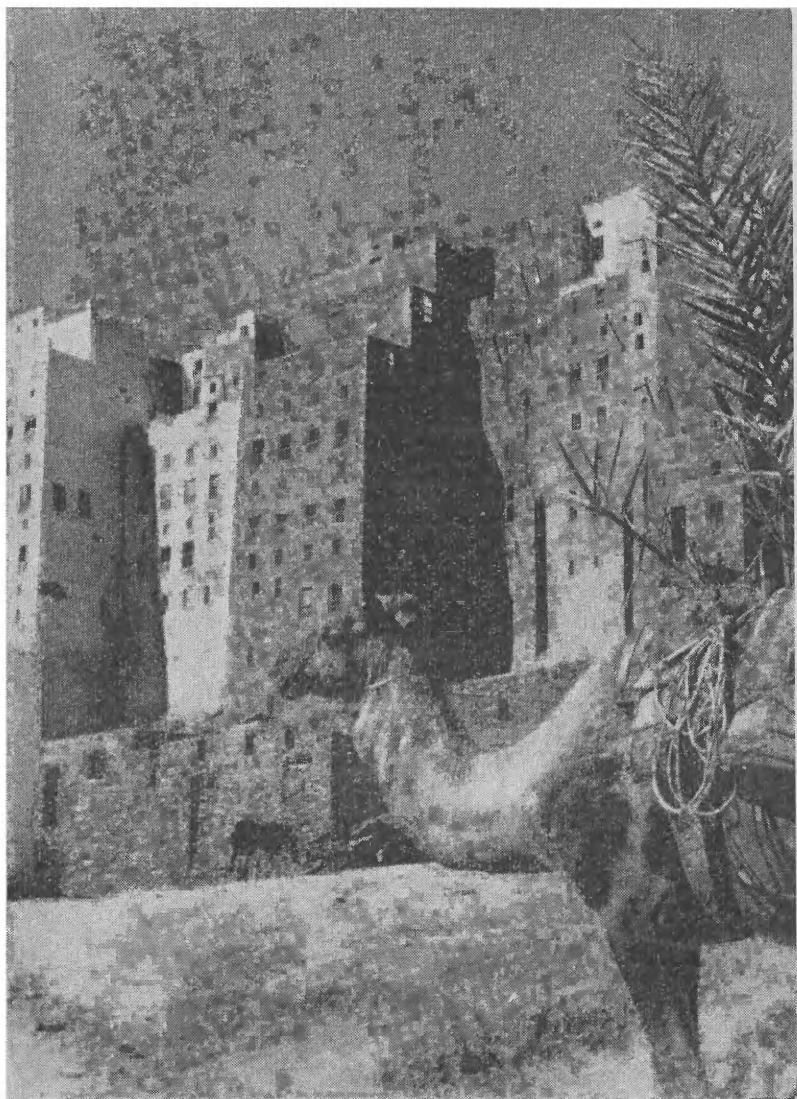

В школу

о сопротивлении материалов. Он даже не знал грамоты. Вокруг мечети — дома, выглядывают женщины из окон. Заметив, что на них смотрят, тут же исчезают. Повсюду люди с оружием. Предосторожности не лишни. Справа, со стороны скалистой гряды, или слева, из пустыни, могут нагрянуть дикие племена, которых часто нанимают для разбоя. А нынче реакционные шейхи Саудовской Аравии тратят немало денег для того, чтобы расшатать устои новых, прогрессивных сил, окрепших на юге Аравии.

Но самое удивительное было впереди — небоскребы в пустыне! Я бы не мог этому поверить, если бы не побывал в Шибаме. Манхэттен на клочке пустынной земли, отороченном скалистым ожерельем. Сверху Шибам особенно похож на деловую столицу США. Почти тот же рисунок серого кристалла из вытянувшихся вверх домов. Только вместо карусели автомашин аравийский Манхэттен окружают пески, кактусы и верблюды... Женщины в черном, лица закрыты. Я подошел к местному «Эмпайр стейт билдинг». Восемнадцать этажей! Когда же выстроили его и весь этот город? Оказывается, шестнадцать столетий назад. Люди не могли расширить постройки из-за гор, вот они и потянули дома к небу. Между ними узко и жутковато. Крошечные оконца. Здесь нет лифтов, ни в стенах, ни в потолках ни единого гвоздя. Все из глины. Первые этажи — это глухая, довольно прочная крепость. Из окон протянуты желобки. По ним выбрасывают нечистоты. Если бы не солнце, которое мгновенно убивает микробов, то город давно бы вымер от болезней.

Стояли небоскребы в пустыне. Спешили к ним уставшие караваны. Загнанные в дикий и далекий край люди забыли и думать о том, что могут быть какие-либо перемены. Так было столетия... И вот произошло событие, о котором говорят до сих пор. Из Лахджа, что близ Адена, пришла весть: какой-то человек по имени аль-Фарси забрал в суде долговые расписки кресгьян султану и сжег их. Один из жителей Шибама сделал то же. В центре города расположена площадь, там и рвал человек бумаги, которые придавали юридическую силу кабале — пятнадцатичасовому труду за четыре шиллинга, расправам, издевательствам. Султан, резиденция которого располагалась в Мукалле, отдал полиции приказ

Шибам. Небоскребы пустыни

арестовать смутьяна. Полицейские исполнили волю правителя. Но делали они это с явной неохотой. Тем более, что толпа двинулась на них. Тогда султан отрядил свою личную охрану. И те не справились. Только через несколько дней удалось султанским шпикам тайно схватить юношу. Но он вместе с другими взломал дверь тюрьмы и бежал. Дверь никто не соглашался ремонтировать... Султан уехал в Лондон.

Тут рассказ старого жителя Шибама прервал американец:

— Значит, султан, если он посещал западные столицы, был человеком современным?

— Да,— ответили ему,— султан действительно был человеком современным. Ездил на «ягуарах» последних марок, даже считался «либеральным», потому что учился в Англии. (Я вспомнил встречу в лондонском «пабе».) Но терпеть мы его долго не могли. «Либерал» любил деньги. Это была его страсть. Она подминала все: интересы нации, государства, совесть, честность, патриотизм. «Либерал» на самом деле был консерватором, воинствующим борцом за сохранение старых порядков Гаремы, скрытое рабство — все это он защищал. Недолго пробыл в Лондоне молодой султан. Скоро он приплыл к берегам Мукаллы. Жители послали парламентаров, которые вручили ему письмо с требованием оставить трон.

— Согласился? — Какая-то надежда прозвучала в голосе интервьюера из Соединенных Штатов. Окружавшие нас голубоглазые арабы при этом вопросе сделали какие-то незаметные движения, закончившиеся одновременным щелчком затворов.

— Еще бы не согласился! Кстати, среди парламентаров был тот самый парень, который рвал долговые расписки.

Бунт в Шибама, городе, похожем на Манхэттен, был, кроме всего прочего, бунтом и против американского Манхэттена, который олицетворяет и утверждает законы насилия.

В свое время, еще при султанах, нефтяные монополии США выторговали право порыться в недрах Хадрамаута. «Порылись» и нашли нефть. Но произошли восстания в Шибама, других княжествах. Искатели чужих богатств смекнули, что старым порядкам приходит ко-

Молодые жители Шибама идут на митинг

нец, и устроили костер. Сожгли все, что могло навести на след к подземным богатствам, и, когда Народный комитет, расположившийся сейчас во дворце бывшего английского советника султана, а точнее, заместника Лондона, попросил американцев рассказать об итогах разведки недр, ответ был сух: «Нет нефти! Не нашли!».

Это была ложь. И это было насилие. Лишать независимое государство средств к существованию — это насилие. Однако ложь разоблачили. В экспедиции американцев работал парень-араб, закончивший нефтяной институт в Бухаресте,—Зубейди. Он-то и разоблачил американцев. А хадрамаутцы поняли: с султанами, хоть их и выгнали, предстоит еще долгая борьба. У них ведь много союзников — от лондонских университетов до уолл-стритовских кошельков.

Несколько лет назад я встретил на Бродвее слепого негра. Его вела собака. Он просил подаяния. Тогда меня поразило, что богатая, сытая улица Нью-Йорка, вся в рекламах, кричащих о благополучии, не могла и не хотела помочь даже одному человеку. В Шибаме Бродвея нет. Вместо него — щели между домами. В них сыро, много бедных. Но вот улица-щель вывела на площадь. Там шел митинг. Старик с винтовкой говорил: «Надо хорошенько подумать, что делать с султанской землей. Можно, конечно, раздать ее крестьянам, но разумно ли дробить большие хозяйства с тракторами? Не лучше ли создать кооператив или государственную ферму?..» Площадь затихла, задумалась, люди сами решают свои дела.

И видно поэтому бедный Шибам не оставил такого тягостного чувства, как богатый Нью-Йорк со слепым негром.

Наш самолет был оцеплен солдатами народной милиции. «Мы должны исключить малейшую возможность провокации»,—сказал Фейсал. Он дал каждому свой адрес. И предупредил, что адрес скоро немного изменят: он будет без слова «Хадрамаут».

Потом я узнал, что Хадрамаут в переводе означает «пришла смерть».

Наши за границей

На огромном континенте, от Касабланки до Браззавиля, встречаешь советских людей. Эти встречи бывают сдержанными, радостными, деловыми, озабоченными, за рабочим столом или за семейным, когда хозяйка с гордостью говорит: «У нас сегодня русский стол»... А кругом пальмы, дремучие джунгли, пески или неведомая река. Разными бывают свидания с Родиной. Но они всегда трогательны. Мне всегда хотелось написать об этих людях.

Я хочу закончить эти заметки рассказами о людях, которых встретил на разных широтах, о советских людях, заброшенных на Черный континент.

Доктор из Вереи

«Медицина, которая служит человеку, складывается из искусства и науки, и над ними простирается чудесный покров героизма... Это распространяется также и на врачей будней, на великого и малого практика, который, не чувствуя страха, подходит к постели страдающего от тяжелого недуга».

Гуго Глязер «Драматическая медицина»

В Африке и вообще за границей Виктор Портной впервые. Ему тридцать три года. Он окончил Алтайский медицинский институт, работал главным врачом участковой больницы. Потом ординатура при Центральном институте усовершенствования врачей в Москве. Полу-

чил назначение в город Верею. Оттуда его послали в Конго (Браззавиль).

Встретились мы с Виктором в Имфондо, в тысяче километрах от столицы.

Знакомство с жизнью селения на севере Конго я начал с визита к префекту господину Жану Гандо. Это высокий, стройный человек из племени мбоко. Образование у него небольшое — всего начальная школа. Но природная сметка, сообразительность, умение быстро разобратся в обстановке, а также глубокий патриотизм сделали из него руководителя. Господин Гандо сообщает сведения о крае. Они скупы и немногочисленны. В Имфондо и на прилегающих землях живет около тридцати пяти тысяч человек. Промышленности — никакой. Население занимается рыболовством, охотой. Кое-где начали возникать плантации кофе. Префект просит обратить внимание на то, что в Имфондо много рыбы, много плодородной земли, есть редкие породы деревьев да, наверное, и в недрах немало сокровищ. «Мы хотим взять все эти богатства, но пока не можем. Люди неграмотны, у них нет знаний, навыков к высокопроизводительному коллективному труду». Это сказано с горечью и глубоким беспокойством.

Кто в этом виноват?

Есть такие и в самом Имфондо. Это португалец Карлос, француз Ле и другие европейцы, пытавшиеся играть в благодетелей, а на деле выжимавшие последние соки из местных жителей. Но сейчас не о них речь. Сейчас — о Викторе.

Виктору Илларионовичу Портному и его жене Маргарите Ивановне нелегко. Госпиталь старый, основан еще в 1918 году. Оборудование плохое и давным-давно нуждается в ремонте. Нет электричества. Поэтому Виктор взял фару от автомобиля, подключил к аккумулятору, под ней и делает операции, каждый день — три, четыре. За один только год он сделал триста сложных операций.

Но если бы иметь дело только со скальпелем... Виктор — хирург, жена — терапевт. И вот они заменяют здесь целую поликлинику. Они удаляют зубы, лечат туберкулез, к ним приходят с проказой, ушными заболеваниями, приносят больных, пораженных столбняком. Помимо этого масса других забот, совсем уже не лечебных. Государство отпускает на больницу очень мало

средств. Их не хватает для содержания девяноста-ста больных. И вот доктор Портной идет к вождю деревни и просит, чтобы сын вождя, работающий при госпитале сторожем, занялся по совместительству охотой: пациентам нужно свежее мясо. Я видел, как Виктор превращался в ловкого торговца и по сходной цене закупал у оптовика маниок и обезьян для госпитального стола. Он выкраивал франки, чтобы приобрести сетки от комаров для больных туберкулезом. Словом, все приходится делать самому. Конголезские власти оказали ему полное доверие и уже давно отказались от проверок его хозяйства.

— Была такая, как сейчас, ночь,— вспоминает Виктор.— Нас с Маргаритой разбудила крыса, которая, попав в столовую, не могла найти выхода. В ярости она грызла ножку шкафа, шум стоял страшный. Мы думали — пантера. Вы знаете, нас застращали «бывалые» африканисты. Я взял нож, а Маргарита — утюг, открыл дверь и тут увидел крысу. Выпустили ее. Легли было спать. Вдруг барабанный бой. Сейчас-то привыкли. Но тогда...

Действительно, все это надо пережить. Помню свою первую ночь в Инфондо. Вдруг сон взорвал тревожный и частый стук тамтама. Уже не заснуть. Я взял фонарик и вышел. Луна высоко. На крыльце — улитка размером с детский кулачок. Рядом с ней — улитенок. Ветер несет лепестки цветов. Примерно в километре от дома замечаю свет лампы. Иду туда. Все громче звук барабана. Его сменяет хор мужских голосов, потом — женских. На высоком столе, похожем на нары, лежит женщина, покрытая ярко-коричневой тканью. Она умерла утром, а сейчас ее хоронят.

Этой ночью я узнал многое. Оказывается, у каждого человека есть крокодил, который бережет его душу. Если крокодил сочтет поступки опекаемого недостойными, он проглотит душу, и человек умрет. Крокодила могут обмануть злые волшебники. Чтобы этого не случилось, в каждом селе есть добрый волшебник — колдун. И на этот раз один из них, Бозебе Нокомбо, после похорон проверит, не отравили ли женщину злые духи, не подговорили ли они крокодила проглотить ее душу. Он соберет родственников и знакомых, разведет костер и будет внимательно вглядываться в него. Если же в пламени

не появится образ злодея, то тогда Бозебе прибегнет к более верному и хитрому методу. В пальмовое вино он добавит специально приготовленную волшебную смесь. Все, кто не виновен, выпьют вино, и с ним ничего не случится. Но если хоть каплю его проглотит преступник, он тут же должен упасть и скончаться в мучительных судорогах.

Однажды Виктор вернулся с обхода расстроенным. Вот уже несколько дней он лечил девочку, дочь супрефекта Дангу. Сегодня ей вдруг стало очень плохо. Оказалось, что каждый день после лечения, назначенного доктором, мать относила девочку к колдуну. Накануне он дал ей какой-то настой из коры бамбука, пепла сожженного священного дерева и мяса священной собаки. В общем, настроение у Виктора было неважное.

Что думает человек в такие часы о своей профессии, об избранном пути? Я и спросил Виктора об этом. Он задумался над моим вопросом. Потом сказал: «Ты знаешь, брат, какая у нас здесь жизнь? Все время приходится иметь дело с болью, с горем людей. Иной раз кажется, что мир состоит из крови, стонов, что все вокруг больны. А потом стиснешь зубы и работаешь, работаешь...»

Он не мог официально запретить матери носить больную к колдуну. Но не мог допустить врач и смертельного исхода. Девочку лечил от двойного недуга — от того, с чем принесли ее, и от другого, вызванного «целебными» снадобьями знахаря. Девочка выздоровела.

«Все время иметь дело с болью». Нелегко. Потому еще, что здесь нередко, как вы уже поняли, болезни сопутствуют моральные, психологические недуги.

Однажды субботним вечером прибежали к нему домой: «Доктор, доктор, скорее... раненый». Виктор сел за руль автомашины с красным крестом... На пороге перед больницей лежал человек. Широкое копьё, наконецник которого напоминал лист фикуса, вошло у левой лопатки и вышло из груди... Это была труднейшая операция.

Скоро узнали, как было дело. Андре Намузубу вышел охотиться на кабана. Настиг его недалеко от деревни. Вытащил нож. Бросился. В это время страшный удар в спину. Копьё в Андре бросил его брат. Он клялся, что хотел помочь убить кабана. Ему не верили.

Подарок рыбака Виктору Портному

После нескольких недель лечения стало ясно, что Андре вернется к жизни, и тогда собрался совет старейшин. Единодушно пришли к заключению, что русский доктор вылечил не только рану, но и победил зло, которое заставило человека поднять копье на охотника. А почему они так решили? В тот день, когда Намузубу стало лучше, пришел в госпиталь его брат. Он оброс, похудел, оказывается, почти все это время не спал. Со слезами обратился к Виктору: «Доктор, я действительно случайно попал в брата».

В деревне ему не поверили — «злой дух» должен быть наказан, и все тут. Но когда за брата Андре всту-

пился Виктор, совет старейшин простил его и разрешил вернуться в село.

Вера людей в сверхъестественные силы мешала Виктору Портному. И прошло почти два года, прежде чем он одержал победу. Однажды в селении, которое было расположено в тридцати семи километрах от Имфондо, тревожно заговорил тамтам: заболел самый главный из колдунов. Он был стар и очень много знал. Мудреца берегли, о нем заботились, потому что, кроме него, никто не мог, например, избавить от будущих несчастий близнецов (их и мать, согласно поверью, всю жизнь должны преследовать несчастья). Колдун «спасал» этих людей с помощью черной пыли, которую брал из рога козла. Он брался избавлять от бездетности, нанося бритвой насечки на животе женщин. Колдун славился еще и тем, что мог регулировать дожди. Я видел, как к нему пришел чиновник из мэрии, выложил двенадцать тысяч франков и попросил, чтобы уважаемый Аданон остановил дождь, потому что на другой день должна была состояться церемония по вручению трех инвалидных колясок.

Аданон деньги взял. Дождя действительно не было. Аданон даже рассказал мне, как он это «устроил». Оказывается, он берет копьё, втыкает его в землю, вокруг устраивает забор из циновки, поджигает кусок сухого клея, а потом ходит по кругу, разговаривает с духом отца, разбрызгивая пальмовое вино. В течение всего дня он не пьет ни глотка воды.

Людей колдун лечил целебными травами, которых знал множество. К Аданону постоянно шли люди. За лечение он брал немного — по пять франков. И вот теперь самого всемогущего знахаря везут к советскому врачу. Об этом, а главное, о полном выздоровлении «волшебника», узнала вся округа...

Перед отъездом из Имфондо я попросил Виктора еще раз свозить меня к Аданону.

В конце беседы с «коллегой» Виктор пошутил: «Вот товарищ улетает, а небо в тучах. Не можете ли вы предотвратить дождь?» Аданон посмотрел на доктора, улыбнулся и ответил: «Виктор, среди нас есть поверье — слабейший не может выполнить волю сильнейшего. Ты сильнее меня...»

Однажды ночью привезли пигмея (обычно пигмеи не

Маргарита Ивановна в гостях у пигмеев

решались идти в госпиталь). Он упал с дерева и расшиб себе спину, задев позвонок. К счастью, нерв не был поврежден. Шесть месяцев пролежал маленький человек. Поправился. А когда уходил, сказал Виктору: «Доктор, приезжайте к нам в деревню. У нас много больных. Дайте им совет».

Виктор принял приглашение. Ранним воскресным утром мы сели в моторную лодку и поплыли по Убанги к северу. Наконец мы прибыли на место. Проводник по только ему ведомой тропе вел нас джунглями. Я не знаю, сколько мы шли. Было душно, скользко от сырости. Проводник время от времени останавливался, наблюдал за большой бабочкой и, если она садилась, обходил это

место стороной. Тут могли оказаться змеи. Бабочка-разведчик их хорошо угадывает.

Мы вошли в деревню. Круглые маленькие хижины под крышами из листьев пальм, костер. Женщины с набедренными повязками из соломы, ребятишки. Нас встречает вождь. Его жена подносит доктору рог антилопы, а местный мудрец — браслет из волос слона, дабы он всегда приносил гостю счастье. Когда закончился ритуал встречи, доктора попросили посмотреть больных. Лекарств с собой он захватил много, и все-таки их не хватило, — если в мире есть тысяча болезней, то, наверное, все их можно найти в этом маленьком селении в джунглях.

Я заметил, с какой гордостью вождь племени ходил за врачом. Его было нетрудно понять. Пигмеи — самое угнетенное, самое забитое и обездоленное племя Африканского континента. Другие племена, сами страдая, скажем, от белого расизма, порою грешат пренебрежительным отношением к пигмеям. Ниоткуда маленькие люди не ждали помощи. В этих краях Виктор Портной — первый европеец, посетивший пигмейскую деревню. Это, правда, не входит в условия его контракта с правительством Конго. Ему не обязательно бродить по джунглям. Сегодня воскресенье. Завтра три тяжелые операции, и отдых не помешал бы.

Наконец, когда осмотр был закончен и даны советы, достигнута договоренность, что за лекарствами приедет гонец, наступил отдых. Старик вождь показывает Виктору на арбалет — неплохо бы после трудов поразвлечься. Виктор спускает тетиву, стрела с ядом, взвившись высоко в небо, опускается где-то далеко за гигантскими деревьями.

Перед заходом солнца стали собираться. Моторка, дробя тишину, двинулась вниз по реке. Мы заехали еще в два селения. Доктора везде знают. Кстати, то, что он был у пигмеев, поможет изменить отношение других племен к этому народу.

Никогда не было в Имфондо демонстраций. Никогда не шли оттуда петиции в Браззавиль. И вот такая демонстрация состоялась. Жители узнали, что Виктор Портной собирается домой, в Москву. И они потребовали от правительства: «Уговорите доктора, пусть он останется».

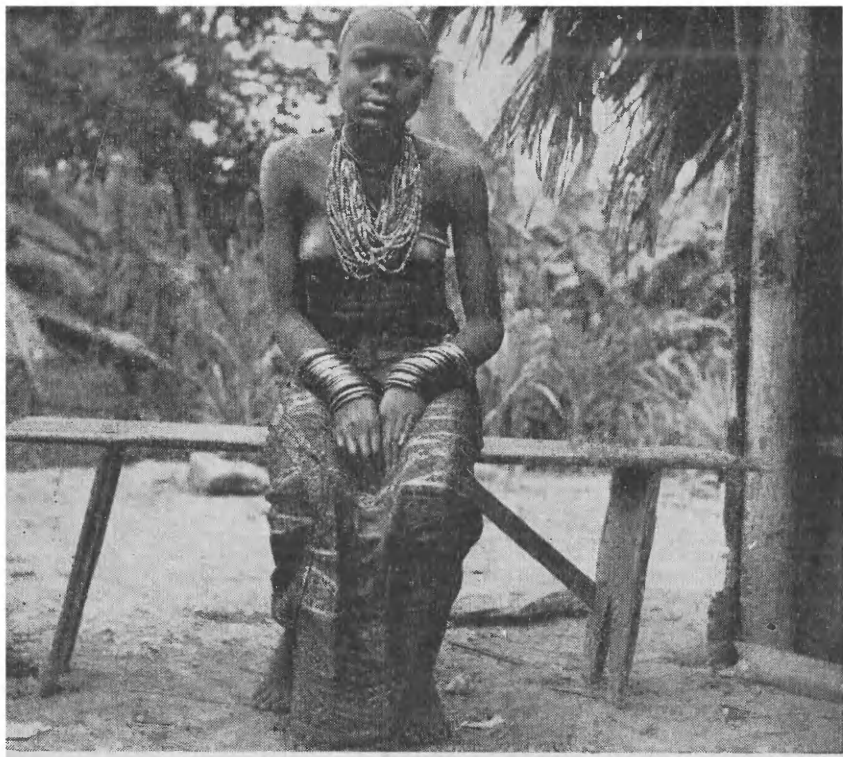
Виктор согласился. Кроме операций и других дел он обучал конголезцев своему искусству. На сотни километров здесь не было даже фельдшера.

Сунда — не Клондайк

Мы в ста пятидесяти километрах от Пуэнт-Нуара, в джунглях, на участке № 20 геологоразведочной партии. Ивану Сергеевичу Сущенко жирный желтый блеск не в новинку. В поисках месторождений он вдоль и поперек исколесил Колыму, Камчатку. Но кто отбил охоту у Марселя поклоняться золоту (он держит его небрежно, как горох)? Может быть, подполковник, под чьим командованием служил во Вьетнаме Марсель? Его против воли забрали в Иностраннный легион и с корпусом обслуживания отправили в Сайгон. Парень чистил мундир, готовил обед, разносил виски офицерам, когда они играли в карты. Подполковник командовал «отрядом специального назначения». Как-то, держа в руках пачку денег, он сказал: «Все они обеспечены золотом. Значит, и я им обеспечен». «Значит, и убийства обеспечиваются золотом», — можно было бы продолжить мысль главаря карателей.

Но может быть, и старый рабочий, который нанялся на прииск два года назад... Ночью он страшно кричал, все просыпались и потом долго не могли уснуть, думая о каком-то Дрейке, который довел человека до такого состояния. Рабочий боялся о нем говорить. Только недавно он поведал о мрачном поселке в Южной Африке, окруженном саванной и бедными, вымирающими деревушками, где под одинокими звездами воют гиены. Надсмотрщиком на золотом прииске был Дрейк. Забор из колючей проволоки, прожекторы, обыски, строгий, поистине тюремный режим должны были уберечь богатства хозяина, которого даже его друзья за глаза называли «волком».

Горка золота на ладони Марселя. Равнодушие? Пожалуй, нет. Марсель не может быть равнодушным. Я не забуду, с какой болью он спросил: «Настанет ли время, когда у всех всё будет по справедливости?» Этот вопрос парень задал нам после того, как по пути в Сунду мы заехали в одну деревушку. День был жаркий. Из

Чикумби ждет жениха

джунглей несло влажными испарениями. Мы хотели разрубить толстую лиану, чтобы напиться (в стебле — удивительно чистая, прозрачная вода). Вдруг из деревянной конурки раздался звон. «О, да здесь чикумби», — сказал Марсель. Мы уже слышали о чикумби. Это невеста, и ее продают в жены. Наша чикумби оказалась девушкой лет двадцати. Она во всем придерживается требований местной моды — лицо и обритая голова выкрашены в кирпичный цвет, полные губы покрыты розовой краской, бровей нет. На шее огромная связка бус, а руки украшают браслеты — они-то и гремели, создавая музыку приветствия.

Чикумби начала плясать. От ее танца стало как-то не по себе. Представляете — жара, пыль, под навесом

томятся куры... На девушку из темной хижины сумрачно, даже враждебно смотрит старуха. Это мать, она сердится на дочь — полтора года нет жениха. Отец просит немного — всего пять тысяч франков (две пары сандалий) да бутылку виски. Он очень рассчитывает на эти пять тысяч, чтобы поправить семейный бюджет. Но никто не сватается. Грустно было смотреть на танец девушки, на танец среди черных хижин, танец, сопровождавшийся глухим стуком, — по соседству в ступе мельчили маниок. Стук этот преследовал меня повсюду. Маниок — главный, а кое-где и единственный продукт питания.

Когда мы уезжали, девушка заплакала. Тогда-то Марсель и задал этот мучительный вопрос о справедливости. Видно, парень давно уже думает об этом.

Сверкало на ладони золото. Марсель говорил о своей службе во Вьетнаме. И тут подошел юноша лет девятнадцати.

— Знакомьтесь, — сказал Марсель, ссыпая крупинки в мешок, — это Жильбер. Сын Моиза Чомбе.

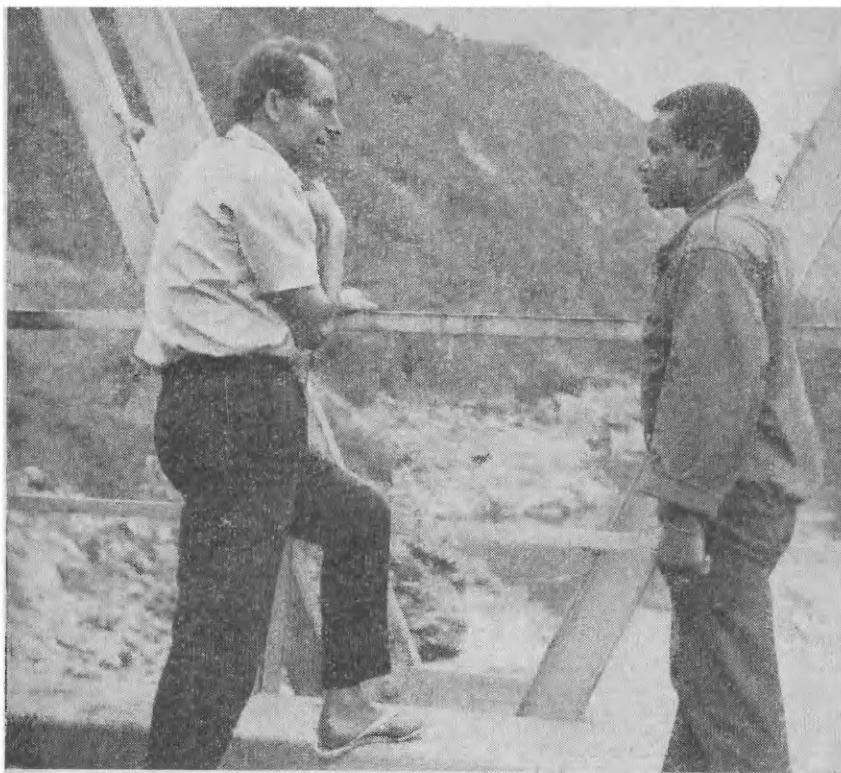
Вот так встреча! В памяти почему-то возник магазин сувениров на центральной улице Киншасы. В нем чеканка по катангской меди. Сюжеты разные, разная работа. Одна пластина поразила меня больше всего: на ней были изображены маски — мужская и женская. Традиционные маски для ритуальных обрядов. Обычные. Необычно было только то, что внизу мелкими буквами выбито: «Сердце — родным, душу — богу, жизнь — родине». Знающий человек, оглянувшись, сказал нам, что такие маски чеканщики делали в память горняков, погибших на медных рудниках и урановых шахтах Катанги, в память жертв, павших от белых наемников Шрамма. Известно, с кем был отец Жильбера, и поэтому нет надобности об этом говорить. Катанга с ее медью, золотом, ураном была хуже, чем Клондайк. Там золото убило в людях все человеческое. Таких, как Дрейк и его хозяин, в Катанге было много. Они, кстати, обеспечивали золотом своих полковников, которых нанимали для карательных экспедиций.

Я не мог расспрашивать об этом Жильбера, выражение глаз которого было похоже на то, какое я видел в Каире у сына Патриса Лумумбы. Мне хорошо известна политическая биография отца Жильбера. Да и не

только мне. Видимо, поэтому к пареньку относились сначала настороженно, даже враждебно. Теперь — как к другу. Мать Жильбера, его сестры и братья живут в Киншасе. «Да,—подтверждает он,—отец писал мне письма. Иногда присылал деньги». Он умолкает. У меня к нему тысячи вопросов. Но я не задаю их. В конце концов парень мог бы учиться геологии в Катанге, но вот приехал сюда, где работает в государственной компании вместе с советскими специалистами. Жильбер улыбается, он просит прощения и возвращается к насосу.

На обратном пути мы остановились в доме почтальона — он здесь заодно и сторож, и сборщик налогов, и владелец маленькой лавки. Несколько домов в горах, даже от Сунды далеко. Почтальон вместе с тремя своими женами пьет чай. Пригласил и нас. Марсель (он мечтатель!) рисует картину, как откроют здесь, в Сунде, огромные запасы золота и как потечет оно в валютные закрома республики: «Вот тогда мы отольем из золота бюст камарада Ивана». Иван Сергеевич улыбается шутке.

Последний снимок Марсель предложил мне сделать на перекрестке дорог — это почти у самой Сунды. На столбе дощечка с надписью «Эссен — 8465 км, Люксембург — 7783 км, Франкфурт — 8254 км». Когда-то западные концерны хотели построить здесь электростанцию. Наняли инженеров. Но события в Африке начали развиваться так, что концерны решили забросить дело — они не надеялись на сверхприбыли в случае социальных перемен, они не надеялись обеспечить себя золотом. Инженеры уехали — ведь это не Клондайк. Теперь сюда едут люди, движимые другими чувствами. Теперь на их месте стоит Иван Сергеевич Сущенко. Он стоит на земле, куда высаживались принц Жоэнвилль, который перевез с острова Святой Елены тело Наполеона, Поль дю Шаилю, открывший горилл, леди Мари Кингсли, английская исследовательница. Это были первые охотники за богатствами Экваториальной Африки. Блистательный Бразза закрепил их «победы», и в Конго потянулись дельцы «в чистом виде» — торговцы, лесопромышленники, золотоискатели. Эти люди виноваты в том, что до сих пор продают чикумби, — скажете, не рабство? Они отказались строить электростанции, увезли всю документацию по геологоразведке.

Иван Сергеевич Сущенко со своим помощником недалеко от Сунды

На ладони Марсея — желтые крупинки. Он выдержал их блеск, так же как и его друзья по прииску № 20, потому что этому золоту он хочет дать другую судьбу.

Мы возвращались в Пуэнт-Нуар. Бил колокол собора. Мелодичный звон неся над Авеню генерала де Голля, над чистеньким городом из прочных, красивых домов, над бухтой, рыбными ресторанчиками, молельными домами и ночными клубами. Бил колокол, который раньше приветствовал охотников за легким счастьем. Краснел от заходящего солнца океан. А на его берегу стояли двое: камчадал Иван Сергеевич и молодой старатель конголезец Марсель.

Всего не уместить в маленькой книжке. В путевых блокнотах у меня масса записей о встречах и беседах с нашими людьми. Вот еще несколько коротких историй.

Льды в субтропиках

Настроение было прескверное. Поначалу Триполи встретил неприветливо*: в аэропорту разрыли чемоданы, долго не давали визу. По дороге прицепился «хвост». Ладно бы ливийский. Нет же! — американец с базы ВВС США «тащился» до самой гостиницы.

Я шел по улице. Вижу очередь из подростков. Пожилой парикмахер сплюнул с гадливостью: «Официально дома свиданий запрещены, но вот — пожалуйста». Противно. Европейец фотографирует девочку. То поставит на се голову кувшин, то снимет. Так раз десять.

И вдруг я вижу — стоит в порту корабль, наш, советский. Спешу к нему! Показываю паспорт. Капитан принимает меня очень радушно, показывает машинное отделение, службы. Из беседы узнаю, что многие из экипажа учатся заочно. Потом кают-компания, борщ со сметаной, черный хлеб, вареники. На палубе, раскаленной, как утюг, — матрос, голый по пояс, в тапочках с толстой подошвой. Он рисует. Смахнет пот. Кисть в краску — и на холст. А на холсте корабль, пробирающийся сквозь льды. Художник родом из Архангельска.

Памятники при жизни

Госпиталь под Бамако. Встречают наши врачи. Светлана Федорова и Валерий Беспалов. Оба комсомольцы. Идем по палатам. На койке парень. У него тяжелая и распространенная в Мали болезнь: под кожей червь, длинный и тонкий. Валерий подходит. Осторожно, медленно поворачивает палочку — четверть оборота... еще... половина... проступает пот... Оборот! На сегодня процедура окончена. Червь извлечен на миллиметр. Такая операция повторяется каждый день. Так будет до тех

* Это было до сентябрьских событий 1969 г., когда Запад фактически контролировал политическую жизнь Ливии.

пор, пока не вытащат червя. Обычно в госпитале таких больных не лечат. Но Светлана и Валерий принимают и их.

В центре Бамако есть торговые ряды. Там же темные комнатки. Резчики по дереву создают изящные скульптурки — женщин, оленят, воинов. В одной из мастерских я вдруг увидел знакомые черты. Взял из рук резчика головку. Да это же Светлана! Наш врач. Мастер улыбнулся: «Много заказов на этот памятник».

«Выдюжим»

Поехали в университет Лованиум. От Киншасы примерно километров двадцать — двадцать пять. Его построили на высоком холме. Прекрасный вид на город, реку Конго, даже Браззавиль можно рассмотреть. Католическая церковь. А вот и общежитие. Стучимся. Вдруг из-за двери русская речь. Открывают. Видим, четверо играют в шахматы, рядом «Беломорканал», фотоаппарат ФЭД. Это наши летчики.

Знакомимся. Оказывается, прилетели из Сомали. По просьбе организаторов Ассамблеи Организации африканского единства привезли делегатов. Сначала разговоры об Ассамблее, о Лумумбе. Потом мы расспрашиваем, как идет работа в Сомали.

Сидели допоздна. Только в конце узнали, что не отдыхают ребята третьи сутки. Рейс за рейсом. Просим прощения. В ответ бесшабашное: «Ничего... Выдюжим».

Стрела

Дом как дом, на окраине Найроби, но в густонаселенном районе. Однажды пришло письмо: «Уезжай или убьем». Комиссар полиции заверил, что это сумасшедший, что ничего страшного не случится.

...Товарищ писал. До позднего часа. Сменился третий «оркестр» обитателей саванны. Пора спать. Он подошел к окну, чтобы закрыть его. Вдруг свист и острая боль. Добрался до телефона. Приехал врач. Вынул из груди стрелу и сказал: «Вам повезло трижды — стрела без яда, вошла ниже сердца, была пущена с небольшого расстояния, поэтому не набрала скорость». Два года еще прожил в Кении мой друг. Он говорит: я люблю кенийцев, конечно, есть среди них... Но их меньшинство.

В песчаную бурю

Строители линии электропередачи (ЛЭП) дошли до подножия горного плато. Это километрах в двухстах вниз от Асуана. Климат тут, прямо скажем, зверский. Так говорят о морозе. Но когда кажется, что под тобой и над тобой две раскаленные сковородки, когда дует сильный да еще горячий ветер, а нужно ставить опору, слово «зверский» кажется самым подходящим.

На горном плато ставили опоры. Руководил работой инженер Федулов. Один. Никого из советских с ним не было. Рабочие — феллахи из соседних деревень. Приходили наниматься на работу, и робость заставляла делать шаг назад. Федулов старался ободрить новобранцев стройки, потом учил их.

Однажды где-то застрял вездеход. Конечно, Федулов мог бы остаться в палатке. Но он пошел. Началась песчаная буря. Воды не захватил... До стройплощадки все-таки добрался. Но несколько минут не мог сказать ни слова: распух язык, глаза засыпало песком. Разорвана одежда. «Его очень любили, — закончили рассказ о Федулове. — Очень любили арабы. Если бы вы знали, как его провожали!..»

Змеи у кладбища кошек

Недалеко от Каира рыли фундамент под опору линии электропередачи. Вдруг нож бульдозера наткнулся на такое препятствие, что даже гусеницы забуксовали. В чем дело? Не помню уже, кто первым увидел ход. Спустились и увидели несметное количество скелетов. Маленьких, высохших. Кладбище кошек. С ходами, галереями. Но дело не в этом. Когда выбирались наверх, наткнулись на скопище змей. Самая страшная — трешер, а по-русски — пятиминутка. Хотя у каждого был медицинский пакет с антимозной сывороткой, никто не хотел испытывать ее действие. К счастью, все обошлось благополучно. У строителей ЛЭП таких «благополучно» было много...

50 лет спустя: с чем из России?

В Бразавиле есть Национальный музей. Его открыли недавно. Он еще невелик. Как-то я бродил по его четырем или пяти залам. Никого не было. Только в конторе увидел живую душу — парня лет двадцати двух, который решил показать мне нечто большее, чем выставленное в музее. Повел на склад. Там фигурки, чеканка, разные изделия из раскопок.

Вдруг я увидел крест. Православный!

— Он принадлежал русскому священнику, — пояснил экскурсовод, — священник умер. Дети уехали во Францию. А крест остался.

— Зачем он тебе? — спросил я.

— Хочу в музее выставить. Всегда полезно проследить эволюцию отношений между людьми. Вот приехал пятьдесят лет назад из России человек с крестом. А сейчас из России с чем едут? Бульдозеры, книги, лекарства, самолеты.

Цена 34 коп.

Эрмитаж - Записки мисс
Агисе - Абба - Новый цветоч

